

«...где времена роняли свой сев, смотрятся башни...» Велимир Хлебников

Ж У Р Н А Л

Э Т О В

Д О О С

№ 4-5 (79)

2018

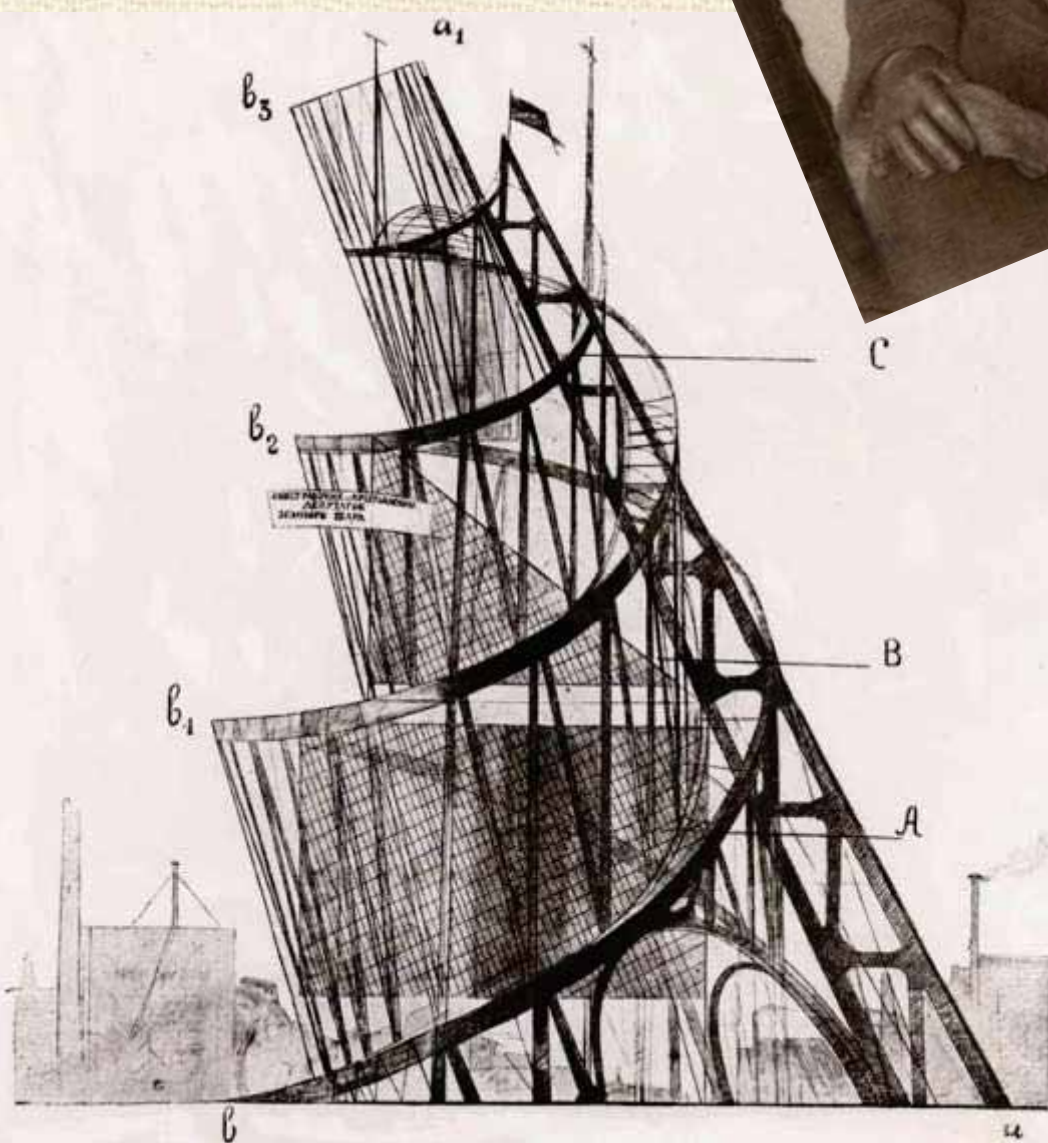
ДООС – добровольное общество охраны стрекоз

Башня как культурный феномен – символ цивилизации, стремящейся ввысь

Башня Татлина –
триангуляционный знак
высшей точки
здания
русского авангарда

Владимир Татлин, 1914 г.

Татлин создал три модели башни, но все они утрачены. Современные реконструкции сделаны по сохранившимся чертежам и фотографиям. Вот где можно увидеть некоторые макеты башни: Третьяковская галерея (Москва); Центр Помпиду (Париж); Музей современного искусства (Стокгольм); Художественное училище им. К.А.Савицкого (Пенза); Королевская академия художеств (Лондон); Главная столовая Оксфордского университета.

Башни строили

Баку, Блумингтон, Братск, Вена, Всеволожск, Галле, Днепр, Дублин, Йорктаун, Калининград, Клинцы, Красноярск, Каменск-Шахтинский, Кан, Кыштым, Лейпциг, Лондон, Монреаль, Москва, Нижний Новгород, Ницца, Новокузнецк, Николаев, Обнинск, Отрадный, Париж, Подольск, Полоцк, Салават, Санкт-Петербург, Северодвинск, Симферополь, Смоленск, Сочи, Ташкент, Тула, Тюмень, Улан-Батор, Чебоксары, Элиста

3-4-5	22-23	37
Константин Кедров	Иван Чудасов	Александр Раткевич
6	Марина Карягина	38-39
Михаил Рошняк	24	Наталья Лунёва
Константин Кедров	Андрей Чайкин	Елена Соловьёва
Елена Кацюба	25	40
Мargarита Аль	Сергей Шилкин	Игорь Балюк
7	Владимир Пучков	Валерий Силиванов
Сергей Бирюков	Андрей Вradiй	Галина Мальцева
Виктор Гоппе	26	Александр Гумённый
8-9	Олег Федоров	Федя Монахов
Елена Кацюба	Света Литвак	41
Кристина Зейтунян-Белоус	27	Николай Ерёмин
10-11-12-13-14-15	Айя Рум	Екатерина Калинина
Светлана Гавраева	Елена Кацюба	42-43
Кира Сапгир	Валентина Боован Куукан	Александр Вепрёв
Кристина Зейтунян-Белоус	28	Валерий Байдин
Мargarита Аль	Борис Бартфельд	44-45
Леся Тышковская	Михаил Молочников	Ольга Лебединская
Юлия Немировская	Алена Малиновских	Сардор Азизов
Константин Кедров	Владимир Шемшученко	Елена Атланова
Елена Кацюба	29	Марк Ляндо
Сергей Бирюков	Александр Карпенко	46-47
Светлана Гарциано	Александр Федулов	Лада Миллер
Ли Гевара	Алексей Чуланский	48-49-50-51
Татьяна Зоммер	30	Питер Во
Виктор Клыков	Стаханова Дарья	Александр Бубнов
Дмитрий Чернышев	Валерий Сопп	Александр Савостьянов
Ольга Логош	Александр Федулов	52
Александр Раткевич	31	Дмитрий Панчук
Кир Илландре	Герман Гецевич	Денис Липатов
16-17-18	Хадаа Сендоо	Олег Демидов
Геннадий Юшко	Борис Шифрин	53
Галина Шилина	32	Лада Аникина
Виктор Шкловский	Сергей Белорусец	Инесса Портяная
Виктор Ахломов	Нина Орлова-Маркграф	Вилли Мельников
19	33	54
Екатерина Адасова	Елена Коро	Евгений Степанов
Анфиса Третьякова	34	Татьяна Теребинова
20	Ибрагим Ибрагимли	Валерия Нарбикова
Наталья Азарова	Кристина Зейтунян-Белоус	55
Анатолий Кудрявицкий	Ростислав Поляков	Ольга Ильницкая
Бронислава Волкова	Альма Наивны	56
Александр Добровольский	35	Галина Мальцева
Галина Мальцева	Николай Шамсутдинов	Владимир Монахов
21	Денис Безносос	57-58-59
Евгений В.Харитоновъ	Ольга Филиппова	Дарьяна Лемтюжникова
	36	Наталья Никулина
	Герман Виноградов	
	Александр Петрушкин	
	Виктор Клыков	

ФУТУРИСТОВ

РЕВОЛЮЦИЯ.

ДАВ БУРЛЮК, ВАС КАМЕНСКИЙ, ВЛАД МАЯКОВСКИЙ.

Поэтохроника

МАНИФЕСТ

Легучей Федерации Футуристов.

Открытое письмо ребячьи

Товарищи!
Дорогой мир!

Сказки ступь державы на трое...
Улыбка, улыбка, улыбка...
Федеральная революция...
установка дарага в Тобол...
социальной...
дод...
Р...

ГАЗЕТА ПО

ПОЯВЛ. НА КРЫШЕ

КОММЕНТАРИЙ К ОТСУТСТВУЮЩЕМУ ТЕСТУ

Этот текст является комментарием к отсутствующему тексту. Хотя отсутствующий текст является комментарием к тексту...

Но и сам автор не знает, о чем он пишет, хотя отсутствие текста спасает и несколько сужает искомую многозначность...
Текст пронизывает над этим комментарием, пародию, и в то же время и не пародия...

ВАЙДАВАЙ ДАВАЙ

ЭЗИЯ

ГАЗЕТА ПО ЭЗИЯ

МЕТАГАЗЕТА ПОЭТОВ И ДЛЯ ПОЭТОВ

N 11 1999

Из архива ПО

Андрей Вознесенский

Настанет лада кредова - Constanta Кедрова

ЖЕК ДЖУХ Х

Я стою босой. Я чувствую рядом священное дерево, под которым когда-то медитировал Будда. Дереву 2300 лет. Оно древнее нашей христианской цивилизации. Собственно и вид у него такой. Корневая система слилась со стволом до уровня третьего этажа примерно. К стволу примыкает прямоугольный навесик. Над местом статуи Будды. В плане, я думаю, это похоже на ПО, только там "п" поменьше - по.

Я думаю, почему поэзия сейчас так интенсивна и почему так пишется, как под напором брандспойта. Вероятно, наше столетие не успело высказать в свое время, что ему положено, и сейчас торопливо, взхлеб через нас пытается договорить. Великих поэтов века, как Мандельштам, Пастернак, Хлебников уже нет. Поэтому приходится отдуваться нам. Что было понятнее людям с мышлением 19-го

века, я попробую сказать традиционно: Мы с тобою спрячемся от времени здесь у океана на краю. Кривоногий, лживый, как сирены, неземную музыку пою. Так пою, как никогда не пелось, век к концу торопится, заметь, высказать все то, что не успелось, что другому веку не суметь

Конечно, разговор идет только на авангардном наречии или пост-авангардном, потому что именно это - стиль XX века. Как кватроченто, классицизм - стили других столетий. Понятно, глотка нашего века была занята воплями ужаса в лагерях массового уничтожения, криками или молчаниями во время сражений. И вот сейчас он пытается выполнить свою поэтическую норму. Мы прочитали все. Все шедевры века. Поэтому, чтобы было интереснее, мы должны сами стать вместо классиков, дважды напряженно, ибо XX века во всех смыслах является дважды христианским, и по мучениям, и по озарениям.

Специально для ПО из Индии

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

От шумерского зиккурата
до башни Вавилонской,
от башни Вавилонской
до египетских пирамид,
от египетских пирамид
до башен Татлина и Шухова
простирается траектория
лестниц в небо и лестниц с неба.

Ныне мысленный проект Башни благополучно пересек Луну, Марс, созвездие Андромеды и уперся в горизонт мировых событий.

Длина этого радиуса или, если хотите, высота Башни равна 13 миллиардам и 700 миллионам световых лет.

Чертеж дан реликтовым излучением от начала времен до сегодня.

Бог пишет светом на прозрачной кальке, поэтому Башня Света почти невидима.

Художники ее не видят, а прозревают.

По ней спускаются ангелы и поднимаются люди.

Прообраз этой Башни – сам человек.

Все женщин воплощены в ажуре Эйфелевой башни в Париже.

Ну а в Москве это чисто мужской фаллический символ Останкинской телебашни, пронзающий круг вращающегося ресторана.

Однако самый совершенный образ всемирной Башни – адронный колайдер в Цюрихе. Это Башня вглубь, уходящая к началу мира, к бозону Хиггса.

Мистер ~~Хиггс~~
Икс

Я под капельницей в наркозе
Пребывал в запредельной зоне
Говорили: почил во Бозе –
Оказалось воскрес в Бозоне

Ну а что такое Бозон
Знал КапИца и Робинзон
Я с советской властью не ладил
И нырнул в мировой колайдер

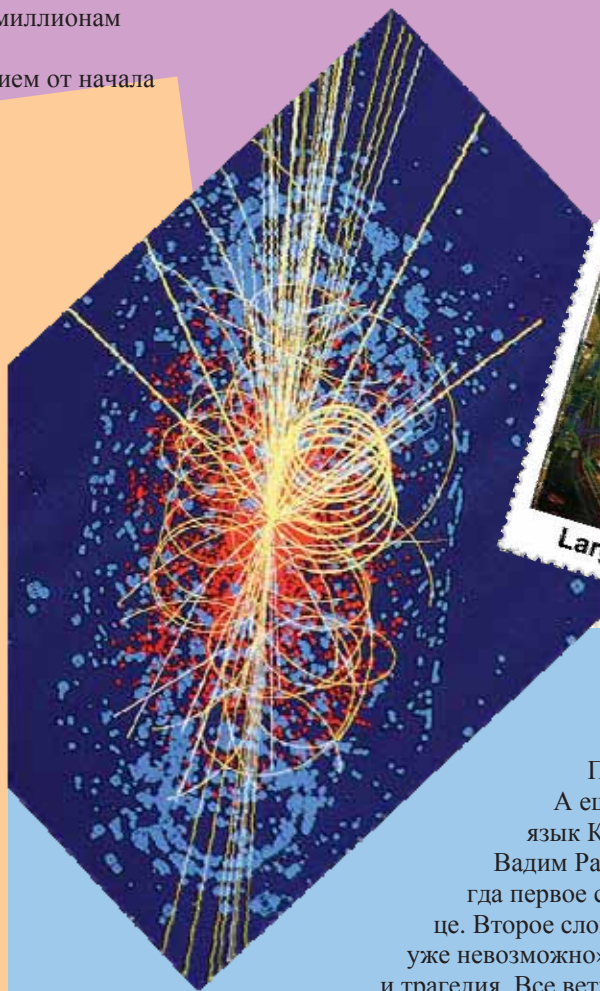
Миновал запретные зоны
И рассыпался на бозоны
Я и сам мировой Бозон
Как на острове Робинзон

Даже Пятница мне не нужен
Я в колайдере обнаружен
Но на сердце весьма тревожно
Хоть поймать меня невозможно

Ускользну в туннельный эффект
Как Спиноза нырнул в аффект
Превращусь в бозономонаду
Недоступен земному аду

Я не Пятница-Робинзон
Я всего лишь Хиггса Бозон
Может Кедров а может Хиггс
Я неузнанный Мистер Икс

23 июля
2018

Поэзия – это новый язык.

А ещё точнее – вечно новый язык

Как отметил доосозавр Вадим Рабинович, «авангард всегда первое слово на первой странице. Второе слово на второй странице уже невозможно».

В этом преимущество и трагедия. Все ветви кажутся тупиковыми.

Сказав новое слово, тотчас же создавать другое новое слово. Vita nova – это для авангарда.

«И сказал Бог: «Да будет свет», – и стал свет». Это авангард. Все остальное уже каталоги и разъяснения.

В начале было Слово, но это же начало должно быть и в конце, иначе слово уже не Слово, а архетип, что для поэзии скучно. Можно сказать, что язык, весь язык – комментарии к Слову. Поэзия в этом смысле всегда является Словом и никогда не может быть языком.

А слово, чтобы не быть языком, должно быть метафорой. Не метафорой (она внутри языка), а только метаметафорой. Она всегда над и вне.

Квадрат Малевича

Оброненная фольга
в мертвом воздухе звенит
свой затейливый повтор
продолжает сладкий звук

свет ночной намолочен
резко сдвинута ночь
как комод
и от пыльного лунного света
остался квадрат под квадратом

манит теплою лунною пылью
квадрат
не смываемый никем и ничем
не вмещающая обтекает себя квадрат
как рог изобилия
сыплет квадрат вещами
в отсутствующей вещи
намного больше вещей

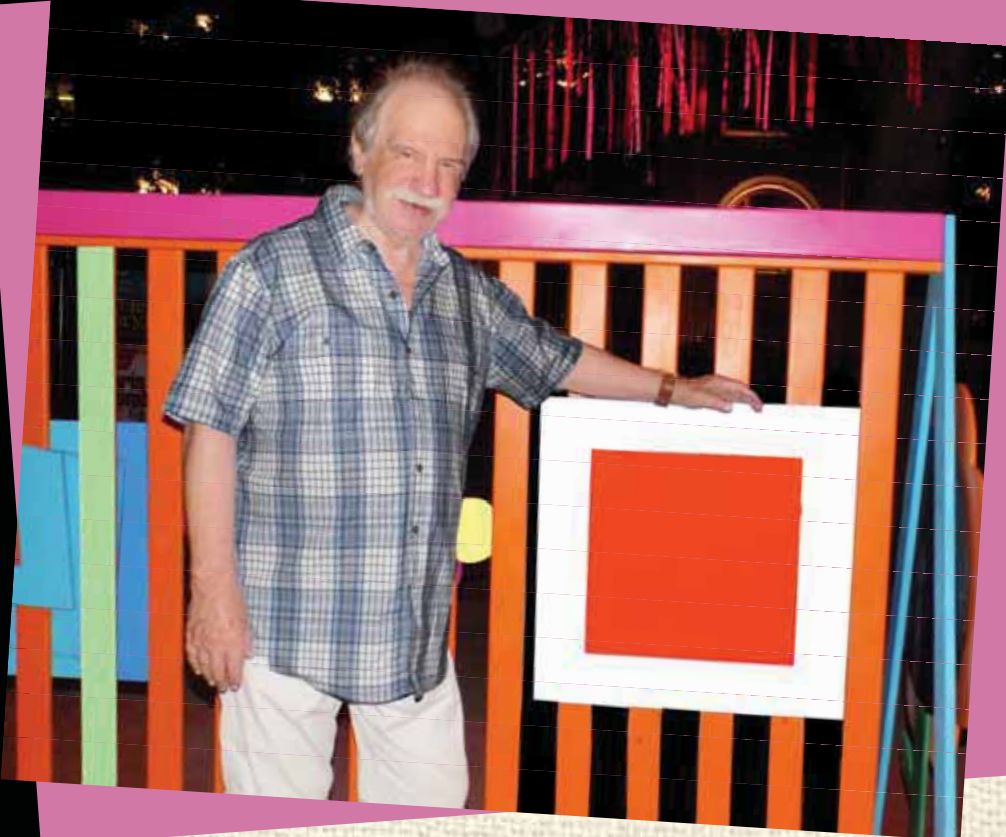
из него выпадает ночь
и прозрачная пыльная луна
извлечена
как корень
сладко ноет корень
молочных зубов луны

вот и вылетел пыльный мотылек
осыпая пол пылью
Квадрат приподнялся
вспорхнул
и улетел
оставляя тень квадрата

1981 г.

Кадр из клипа
Геннадия Шпортало
по стихотворению **Константина Кедрова «Квадрат Малевича»**

Пять лет назад я увидел сон – в чёрном бархатном космосе летит квадрат Малевича, а из него сияющие спектральные радуги. Попытался позднее запечатлеть это маслом на холсте. Получилось. Эту картину подарил искусствоведу Александру Шумову по его просьбе. А недавно то же самое удалось выговорить стихами.

ЗЕРКАЛО В ЗЕРКАЛЕ

Синезеленобелый
Желтозеленокрасный
Краснооранжевый
Оранжевокрасный

Чёрный
на
Чёрном –
Красный
Красный
на
Красном –
Нежный
Невидимый
Видимый
Отражённый
Неотражённый

Да что мы заикнулись
на квадрате?
Ведь согласно Платону
треугольник – символ
огненности вселенной.

Чёрный треугольник
Малевичий
Девичий
Голенький
Треуголь-
нень-
кий
ий
й.

Крученич-Малевиных

Во вселенной
столько же
черных квадратов
сколько
черных
ДЫР
"...бул щил
убещур
скуп
вы со бу
р л эз"

*
В мировой космической игре
Кто то пишет мной стихотворенья
Не случайно гОре и горЕ
Отличают только ударенья

*
В том космосе который я покинул
Нет ничего Но я его покинул
В том космосе в котором я живу
Есть всё но и его когда-нибудь покину
А может я в обоих космосах живу

*
Фейербах не Бах
Да и Бах не нов
Человек в человека – бах
«Человек человеку – Бог»
Мир виртуален
Но не бескровен
Хлебников – Малер
Маяковский – Бетховен
Я – Бах
Ты – Бах
Он – Бах
Ябах!!!!

Что важнее – знание или башня
если знание – башня
а башня – знание?
Дом где я живу насквозь зеркален
В зеркалах есть я
но есть надежда
что запуталась душа в сетях зеркальных
и улов небесный тяжелеет светом
Из этой дрожь преодолевая зыбко от-до и далее
от непреднамеренно как бы продолжая
и в непродолжительно если
приближение все же будто
тогда однажды всему сияя слабость
башневое спасение превозносимо далее чем...

Хрестоматия любви

Маяковский → Лиле Брик
Лиля Брик → Ψ (к множеству) или многомужеству
где $\sqrt{\text{Хлебникова}} = \text{Крученых}$
а $\text{Крученых}^2 = \text{Хлебникову}$
где Достоевский \neq Толстому, а Толстой → ∞
где Пушкин \times Гоголя = 0
при этом Гоголь → Пушкину
а Пушкин никуда не стремится или = 0
где сумма углов
треугольной груши Вознесенского $\gg 2d$
где треугольник ∇ всегда кудрявый
а груша сладкая
как Адамово яблоко в горле Евы
где Адам \leftrightarrow Ева, где Адам \times Еву = себе
где $\frac{\text{Ева}}{\text{Адама}} = \text{Адаму}$
где яблоко \times на грушу = птеродактилю
а птеродактиль \times динозавра = диплодоку
где мамонт → колибри = слону
а мертвые души → к вечной жизни = Гоголю

Башня
из картин и рисунков
Константина Кедрова
Специально для ПО

Департамент
культуры
города Москвы

КУРАТОР ПРОЕКТА МИХАИЛ РОШНЯК

БУРЛЮК БУРЛЕСК

Галерея на Каширке
17 декабря 2017 г.
открылась выставка
«Бурлюк бурлеск»

Куратор проекта Михаил Рошняк

Среди участников ДООСы Константин
Кедров, Елена Кацюба, Маргарита Аль

Константин Кедров

Бурлюк в Москве 1958-го

Давид Бурлюк наводит свой лорнет
разочарованный
на всех кого здесь нет
Но очарованный
на всех кто где-то есть
Да это есть
но кажется не здесь
Он видит как раскинув луч-шаги
шагает Солнце Маяковский
а Маяковский видит как Бурлюк
соединил лорнетом блик и глюк

Но глюки глюками а
в блюдечках-очках
уже бледнеют мальчики ЧК

Надев берет и натянув пиджак
уплыл доитель изнуренных жаб
Давид Бурлюк
Бурлюк Бурлюк Давид
но неизвестно
кто кого доит

дирижер жаб
дирижабль

1958-2006

6

Елена КАЦЮБА

Ум за
За глазами - СВЕТУМ вилиум
За ухом - слыком МУЗЫКУМ
За ртом - языком говорум
За носом - ноздрум нюхум
За грудью - работа вдоха
за спянум - ТЯЖЕСТИ сумы

Желтком и мискум

из пиджи ВЫНУТ ум
За мозгом - наш всеум
за сердцем - всех безум

Маргарита Аль

кто не дрожал В СВОЮ дрожаль
кто не рычал В СВОЮ рычаль
кто не бежал В СВОЮ бежалль
кто не лепил СВОЮ лепиль

ТОТ не писал свою стихаль
ТОТ не любил свою любиль

не обживал СВОЮ живаль
не умирал В СВОЮ мираль

Почтовая открытка. Издание А. Крученых, 1912 г.

Михаил Ларионов. Портрет Алексея Крученых.
Почтовая открытка. Издание А. Крученых, 1912 г.

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – зауавр
Галле

К ПОРТРЕТУ КРЧ

два треугольника и еуы
Крученыха портрет

СОН или НОС

нос видит сон
в котором
нос впадши в сон
опять же видит сон
в котором он гуляет
и паныча встречает
который на него
кидает взор
тот паныч футурист
его зовут кручен
ых

селедка в компоте
и сладостный мизюнь

он выбил лето
на табло июнь

прозрачный свет
сквозь профиль

и утро задевал
макушкой

и слово прыгало
лягушкой

Книга-объект Виктора Гюппе по стихотворению Сергея Бирюкова «Теорема Хлебникова»

ТЕОРЕМА ХЛЕБНИКОВА
еще не решена
ТЕОРЕМА ХЛЕБНИКОВА
словно ископаемое
прячется в песках астраханских
или персидских
ТЕОРЕМА ХЛЕБНИКОВА
возможно всплывет
в Каспии
в калмыцкой степи
водах Волги
Ганга
Янцзы
Амазонки

ТЕОРЕМА ХЛЕБНИКОВА
крепкий узел
числа 317

Елена Кацюба

ДООС – libellula

ЛИНИЯ LIGNE

В глазах много места	Dans les yeux
для цвета	la couleur est à l'aise.
цвет – зрению хлеб	La couleur, c'est le pain du regard.
но я линию люблю	Mais j'aime la ligne,
она лания – ления – лония – луния	elle est longue, elle est langue, elle est laine, elle est lune.
Она слева направо – линия	Ligne de gauche à droite,
она справа налево – я и Нил	de droite à gauche elle est je et Nil.
где на берегу зашифровано число	Sur la berge est codé le nombre Π

Π

РА где царит

МИ вершину тянет

ДА основание утверждает

où règne **RA**

qui grimpe jusqu'au **MI**,

et les **DES**

sont jetés, voici la Pyramide.

π

Там по стенам вьет-ца верени-ца	Sur les murs s'étire un cortège
рабов – писцов – ца-рей – танцовщиц – ца-риц	d'esclaves et de scribes, de rois, de danseuses, de reines.

Но кто перед кем склоняется	Mais qui s'incline,
кто падает ниц?	qui se prosterne à leurs pieds ?

Или было просто похоже,	N'était-ce qu'une coïncidence,
когда острой раковиной	ce jour où tu traças sur la rive de la Volga
очерчивал на песке мою тень	de la pointe d'un coquillage
и розовел	le contour de mon ombre ?

раз-	se
рез	et
зар –	or.
зер	

Перестроила пирамиду по-французски Кристина Зейтуниан-Белоус (Париж)

Звонкие vs глухие

Многие звонкие со временем становятся глухими:

была ГаДалка –
 стала КаТалка
 раньше ГаДала – иГрала
 потом КаТала и Крала
 носила шляпку с ГриБ
 а теперь колесики сКриП-сКриП

зато Вору
 дали Фору
 раньше кричали – Вон!
 а теперь величают – Фон
 была шляпа ВеДром –
 обтянулась ФеТром

а вот Бар превратился в Пар
 где стояла ВоДка –
 только туманная ФоТка

где подавали свежий БаГет
 суют сухарей ПаКет

Где стояла старинная Башня,
 осталась зарброшенная Пашня

шел счет великим ГоДам,
 но все досталось драным КоТам

предки чтили своего БоГа,
 потомки сказали ему – ПоКа!

где сады Были,
 теперь клубы Пыли

где прежде цветов луГа –
 нынче грядки луКа

а кто вечно без Дела
 того одолеет беС Тела

Специально для ПО

ЛЮБОВЬ НА КРЫШЕ

Триангуляционный на крыше знак
в Луну влюблен
к ней устремлѐн
остриѐм

пирамиды железных жил
ночь за ночью не зная сна
ожиданием встречи жил

Неуверенной скромницей
она являлась пред ним
Над лицом чуть видимым
серебрился нимб
Но гуляя со звездной сворой
во тьме густой
каждый раз она становилась взрослой
надменной и золотой

Когда он стремился к ней
изо всех железных сил
а ветер гудел грязными о ней слухами
он жалел лишь о том
что он не Останкинский шпиль
или хотя бы башня Шухова

Хорошо еще, что кругозор его
заканчивался в Филях
а иначе он ревновал бы ее
и к башне Эйфеля!

Елена Кацюба между башнями на выставке скульптур
во внутреннем дворе Центрального дома архитекторов
в сентябре 2017 г. Фото Константина Кедрова

Не шабашем смеша башеН (монопалиндром)

Но взор и миг, о бог, и себе.
Но вера – мираж. И лун
ход выманил тать неги.
Не шабаш у драки,
тут Икар – душа
башен и тень Татлина.
Мы вдохнули жар и
марево небес – иго,
бог и мирозвоН.

2018

МАРГАРИТА АЛЬ
MARGUERITE AL
Литературно-художественный салон

Лидия Пудова
ПРО ЭТО

Мargarита Аль
Анна Ревякина
Валентина Боован
Валида Акопян
(My Rachmaninov, O falce di luna calante)

ул. Ильинка, 4, Гостинный двор,
(3 этаж, офис 313)
11.00-15.00

100 ЛЕТ РУССКОМУ АВАНГАРДУ
Москва – Санкт-Петербург – Париж

ПАРТНЕРЫ проекта Лидия Пудова, в рамках которого организован «Литературно-художественный салон Маргариты Аль» и проведений «100 лет русскому авангарду» РИМОН. РОССИИ. Салон является и продолжит быть одним из ведущих направлений Парижской Культуральной Сети России и организатора Биеннале Ассоциация писателей Европы.

МАРГАРИТА АЛЬ
MARGUERITE AL
Литературно-художественный салон

Лидия Пудова
ПРО ЭТО

Мargarита Аль
Лидия Григорьева
Кристина Зейтунян-Белоус
Кира Сапгир
Леся Тышковская
Татьяна Белоглинка
Лана Жульен

100 ЛЕТ РУССКОМУ АВАНГАРДУ
Москва – Санкт-Петербург – Париж

Светлана Гавраева

Ницца

Литературный салон «100 лет русскому авангарду» в Париже

В апреле 1910 г. вышел в свет альманах «Садок судей», фактически определивший создание в 1911 году группы «Гилея». В эту группу входили Давид Бурлюк, Николай Бурлюк, Василий Каменский, Владимир Маяковский, Велимир Хлебников, Бенедикт Лифшиц, Алексей Крученых, Елена Гуро, Екатерина Низен. Словом «кубо» создатели подчеркивали новую видоизмененную предметность слова, его конкретно-материальную природу (живопись как таковая, слова и буквы как таковые). «Восстановление конкретности, реальности в чувстве языка, в восприятии живописи было связано с возвращением живописи ее собственной умозрительной природы, а слову – его связи с конкретностью жизненного опыта, с чувственным опытом зрения и осязания».

Мне всегда казалось, что новые веяния охватили после революции только советскую Россию. Но, оказывается, была авангардная поэзия и в Париже. Недавно вышла в свет книга о русском авангарде во Франции. Авторы Леонид Ливак, Андрей Устинов, Париж, 1923 год. В книге из 500 страниц – стихи и экспериментальная проза десяти авторов: Валентина Парнаха, Сергея Шаршуна, Марка Талова, Георгия Евангулова, Александра Гингера, Довида Кнута, Бориса Божнева, Бориса Поплавского, Ильи Зданевича и Владимира Свешникова (Кемецкого). Часть текстов переиздавалась, но именно собранные вместе, они представляют впечатляющую картину. Оказывается, русская литературная Франция тоже экспериментировала?

Можно долго перечислять стили и направления авангардной литературы 20 столетия, но нужно ли? Практически каждый поэт 20 или 21 века так или иначе экспериментировал со стихами, со словом, ища в них не только «строительный материал», но и новозвучие, новую идею, мысль!

Вот и во Франции, в ноябре этого года (а именно с 19 по 25 ноября) прошли литературные встречи под названием 100 лет

русскому авангарду. Ранее салон имел место быть в Москве и авангардном (простите за тавтологию) Питере.

Парижский вечер прошёл в одном из небольших арт-кафе, что на Монмартре.

Естественно, вечер открыла хозяйка и идейный вдохновитель салона Маргарита Аль приветственным словом и стихами. Краткость – сестра таланта. Именно так бы я охарактеризовала стихи Маргариты. Экспериментальная поэтика слова, игра со звучанием, всё это сопровождалось движениями, которые гармонично дополняли тексты. Небольшой зал был полон. На встречу пришли поэты: Кира Сапгир (её стихи и воспоминания, в том числе и о муже – знаменитом поэте Генрихе Сапгире были, на мой взгляд, украшением вечера!); Алексей Батусов – художник и музыкант – читал стихи своего друга Алексея Хвостенко, известного под псевдонимом Хвост поэта и художника, одного из знаменитых «митьков»; Кристина Зейтунян-Белоус (в первую очередь художник, конечно же, но и поэт), Лана Жульен – поэт и прозаик, родившаяся в Калмыкии, на родине Велимира Хлебникова, представлявшая Ниццу; Татьяна Белоглинка – поэт из Петербурга, ныне живущая в Праге; Леся Тышковская – член Союза писателей Украины, проживающая в Париже, чья платье стрекозы, да и в целом весь образ, перекликались с её поэзией.

Пришли и гости вечера, любители русской литературы. В первом отделении вечера была, так называемая, презентация авторов и читка стихов, которая плавно перешла во второе отделение! Кстати, дизайн помещения (небольшая сцена, красные стены, креативная афиша от Маргариты Аль) вполне соответствовал названию салона.

Вечер прошёл великолепно. И авторы, и гости отдали дань авангарду, сплотившему столь разных поэтов воедино.

Кира Сапгир

Kira Sarguir

Из русских лубков

У винного прилавка –
Толчя и давка.
Вьется очередь-змея:

Бородатый
Интеллигент,
Лохматый
Студент,
Кучерявый
Инженер
И лысая крыса –
Пенсионер.

Красная девица
Зашла опохмелиться.
Малый школьник
Покупает шкалик.
Купил красавице моряк
Сорокоградусный
Виньяк.
А вслед за ним
Купил солдат
Невесте
Розовый мускат.
И даме розовый майор
Купил какаовый ликер.
В хвосте стоит
Старушка.
Ей надобна
Косушка.

Втащили
Два проводника
Пустых бутылей
Три мешка.
Сдали бутылки –
Водки купили.
Глядит на них старушка:
Ей надобна
Косушка.

Шурка-урка
Обезьян
Пьян с утра,
Как фортепьян!

Подошли двое:
Робинзон
В запое
И Ньюрка-Пятница,
Горькая пьяница.

В магазине,
В магазине
На троих
Сообразили.
Напились –
Разодрались...

Dalles en pente?
Pas de mévente!
Débit de vin, débit d'alcool,
Où s'est que la foule
pas folle ! –
se bascule,
se boussole
à qui mieux mieux :
Et l'intello barbu,
L'étudiant moustachu,
L'ingénieur frisé,
Le chauve retraité
Y font la
queue,
dégueux,
à qui mieux mieux.

La jolie fille
qui a mal aux cheveux
en veut en peu
une seule ! une seule !
pour sa jolie petite gueule
de bois.

Un écolier haut comme
trois pommes
vise un magnum :
voyez-moi ça !

Un mataf pour sa pépée
Exige du quarante degrés.
Un troufion pour sa fiancée
relique du muscat rosé
tandis qu'un officier tout rose
en tient pour la liqueur de
rose :
la combattante ne veut pas
d'autre
Mais non, ma chère !
Au bout de la queue y a une
grand-mère
Qui s'époumonne :
« Et ma bbombonne ? »

Trois cheminots bourrés
comme vache
trois mecs pas secs -
avec trois sacs
bourrés de consigne =
trois litres pour le prix
et c'est fini.
Sont repartis
au nez de la bobonne
à la bombonne.
...

Traductions de
Louis Martine

Слева направо: Кристина Зейтунян-Белоус, Маргарита Аль, Кира Сапгир, Леся Тышковская. Париж, 2017 г.

Кристина Зейтунян-Белоус Christine Zeytounian-Belous

* * *

нога le pied
la main рука
l'oeil глаз
le nez l'oreille нос и уши
parties du corps que j'ai perdues
теряю части тела
postепенно
peu à peu
остался лишь язык
la langue seule reste
но раздвоился
devenue bifide
et siffle и шипит
и нет уже меня
sauf cette langue
il ne subsiste rien de moi
нет ничего
помимо языка

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Леся Тышковская

Lessya Tyshkovska

Сиринга

Syrinx

Я больше, чем одна
и меньше, чем вдвоем.
Я – мыслящий тростник,
когда подует ветер
и полая свирель,
когда он перейдет в погоню...
Это – Пан.
Но я умею петь.
И я ему достанусь только песней.

Je suis plus que seule
et moins qu'à deux,
Je suis le roseau pensant
quand souffle le vent,
le flûtiau creux
quand il me poursuit...
C'est Pan !
Mais je suis chanteuse.
Et il n'aura de moi que la chanson

Traduction de Anne Laurent

Маргарита Аль

РАССТОЯНИЕ ВПРАВО = РАССТОЯНИЕ ВЛЕВО
РАССТОЯНИЕ ВВЕРХ = РАССТОЯНИЕ ВНИЗ
РАССТОЯНИЕ ВПЕРЕД = РАССТОЯНИЕ НАЗАД
РАССТОЯНИЕ «В» = РАССТОЯНИЕ «ИЗ»

Marguerite Al

ESPACE DE DROITE = ESPACE DE GAUCHE
ESPACE DU HAUT = ESPACE DU BAS
ESPACE DEVANT = ESPACE DERRIERE
ESPACE VERS = ESPACE DE

Traductions de Christine Zeytounian-Beloïis

НЕ СМЕРТИ БОЮСЬ
БОЮСЬ НЕСМЕРТИ

МЕЖДУ НАМИ НИЧЕГО НЕ БЫЛО
ТОЛЬКО НЕБО

КТО НЕ ДРОЖАЛ В СВОЮ ДРОЖАЛЬ
КТО НЕ БЕЖАЛ В СВОЮ БЕЖАЛЬ
КТО НЕ РЫЧАЛ В СВОЮ РЫЧАЛЬ
ТОТ НЕ ЛЮБИЛ СВОЮ ЛЮБИЛЬ
ТОТ НЕ ПИСАЛ СВОЮ СТИХАЛЬ
ТОТ НЕ ПЕВАЛ СВОЮ ПЕВАЛЬ
НЕ ОБЖИВАЛ СВОЮ ЖИВАЛЬ
НЕ УМИРАЛ В СВОЮ МИРАЛЬ

СЛЕПОЙ ИДЕТ ПО ДОРОГЕ ВИДИМОЙ
ЗРЯЧИЙ ИДЕТ ПО ДОРОГЕ НЕВИДИМОЙ
СУЩИЙ ИДЕТ ПО ДОРОГЕ НЕСУЩЕСТВУЮЩЕЙ

ТЫ ВИДИШЬ МЕНЯ А МЕНЯ ЕЩЕ НЕТ
ТЫ ВИДИШЬ МЕНЯ А МЕНЯ УЖЕ НЕТ
ТЫ ВИДИШЬ МЕНЯ
Я ЗНАЮ ТЫ ВИДИШЬ МЕНЯ

РЕАЛЬНЫЙ МИР – ТЫ ПРОИГРАЛ

Фото Любови Красавиной

Юлия Немировская

Iulia Nemirovskaïa

Стул

La chaise

Больно спине:
Когда человек,
Чья радость – это еда,
Садится плотно,
Вольготно,
Навсегда.
Мне вес отдает, а сам,
От телес избавлен,
Летит себе в небеса.

J'ai mal au dos
De mon dossier quand l'homme
Dont manger fait la joie
S'installe sur moi
Bien à l'aise.
Et pour toujours dirait-on
M'offre son poids :
Libéré de sa chair,
Au zénith
Peut voler.

Я им раздавлен.

Il m'écrase.

В потолке открылся сезам,
Беседы стремится за
Границу мира идей.
Цари они, боги:
Зачем же им ноги
Внизу, в темноте?
Ведь лица людей –
Небесные клапаны.

Sésame qui s'ouvre au plafond,
La conversation veut jaillir
Au-delà du monde des idées.
Ils sont rois, ils sont dieux :
Qu'ont-ils besoin de pieds
En bas, dans l'obscurité ?
Les visages humains
Sont les soupapes des cieux.

А он внезапно
Оглянулся, тайком
Лицо утирает платком.

Soudain, voici qu'il se retourne,
En douce,
Et s'essuie d'un mouchoir.

Как тучность тяжка,
Как жизнь проскака:
Иска,
Проморга,
Пролита

Lourde est l'obésité,
Et la vie qui s'en...
Coup de vent,
Clin de temps,
Renversant.

И скрипит и ноет нога,
Навсегда к сиденью пририта.

Mon pied grince et fait mal
A jamais à son siège cloué.

Traduction de Ch. Zeytounian-Belous

Константин Кедров

* * *

Невеста лохматая светом
невесомые лестницы скачут
она плавную дрожь удочеряет
она пальчики человекит
она петли дверные вяжет
стругает свое отраженье
на телесном батуте пляшет
ширеет ширмой мерцает медом
под бедром топора скрипку
рубит скорбную скрипку
тонет в дыре деревянной
голос сорванный с древа
держит горлом вкушает либо
белую плаху глотает
Саркофаг щебечущий вихрем
хор бедреющий саркофагом
что ты дочь обнаженная
или ты ничья
или звена сосками месит сирень
турбобур непролазного света
дивным ладаном захлебнется
голодающий жернов – 8
перемальвающий храмы
В холеный футляр двоебедрой секиры
можно вкладывать только себя

Konstantin Kedrov

* * *

Fiancée, échevelée de lumière,
les escaliers éthérés bondissent,
adopte le frisson fluide,
tricote les gonds des portes,
rabote son reflet,
sa voix, arrachée de l'arbre,
elle la tient dans sa gorge, la sirote
ou gobe l'échafaud blanc,
danse sur le tremplin véreux,
s'épand en paravent, miroite en miel
sous la hanche de la hache nocturne,
elle humanise ses doigts menus,
tranche le violon funèbre,
se noie dans le trou de bois.
Sarcophage gazouillant de tourbillons,
chœur déhanché en sarcophage,
la meule numéro huit affamée
qui moude les églises
s'étouffera d'encens merveilleux.
Pourquoi nue, fille, ou n'es-Tu
à personne ?
Ou bien la turbine d'inextricable clarté,
tétions tintants, malaxe du lilas ?
Dans l'étui soigneux de la hache
à deux hanches
c'est seulement soi-même
qu'on peut ranger.

Traductions de Christine Zeytounian-Belois

Елена Кацюба

Сад

Жизнь сложена
из лепестков розы
внутри которой развернут сад
где раскрылась всего одна роза
размером в целый сад

Ключ потерян

Elena Katsuba

Jardin

La vie est faite
de pétales de roses
dans la rose un jardin
où s'ouvre une seule rose
grande comme un jardin

La clé est perdue

Traductions de Christine Zeytounian-Belois

Сергей Бирюков

Гийом Аполлинер

умирающий Гийом
/умирает/
Маринетти! вспомните
как будет по-итальянски
смерть
"война – ги/гиена мира"
война мира
смерть Аполлинера

черепное ранение
роза кровавая
на грязно-белой тряпке

Гийом Гийом Гийом
звонят колокольчики
дождя

P.S. «22 марта 1916.
Меня ранило точно чуть выше
правого виска.
Я уцелел просто чудом...
Обнимаю тебя, любимая, и
целую твои губки. Ги»

Serguei Birioukov

Guillaume Apollinaire

Guillaume mourant
/meurt/
Marinetti! rappelez-vous
comment se dit «la mort»
en italien
«la guerre est l'hygiène/hyène du
monde»

la guerre du monde
la mort d'Apollinaire
une blessure au crâne
une rose sanglant rouge
sur un torchon blanc sale
Guillaume Guillaume Guillaume
sonnent les cloches
de la pluie

P.S.: le 22 mars 1916
J'ai été blessé juste un peu au-dessus
de la tempe
droite.
J'ai survécu par miracle.
Je t'embrasse, ma chère, et
te fais un baiser sur les lèvres. Gui.

Traductions de Svetlana Garziano

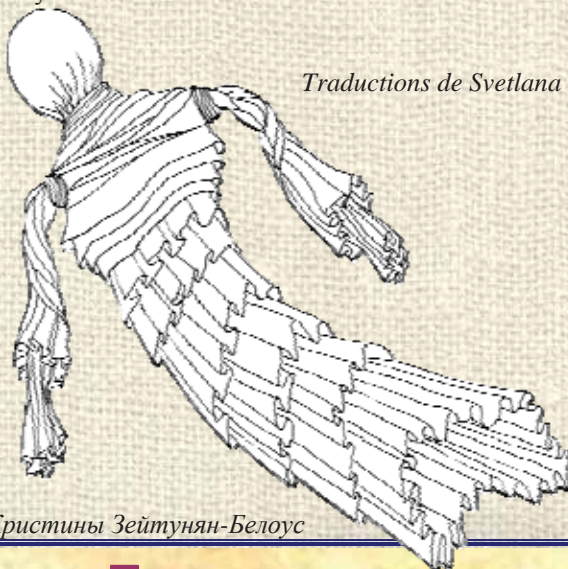

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Ли Гевара

Маяк (Убирайся из Морока)

Убирайся из Морока. Снег или свет – не суть.
Белого бель за дальнюю даль неси.
Беглого воина вóроны донесут,
если нести себя у него нет сил.

Больше нет сил.

Тысяча дней и столько же – впереди:
там, где надменной медью маячит меч.
Выбросив руку вперёд, внимательно погляди:
меч разрубает тело твоё от плеч.

Тело облечь
в свет.
Тихая речь.
Бред?..
Морок тебе – враг.
Да светится во тьме
Маяк.

Да кричится в тебе – ты. А мы на тебя пойдём.
Выспренным слогом, словом кричи. Хоть чем.
Будь – неизменный смысл, тенью не усреднён.
В сером тумане – голос будь, Стихочей.

Голос, который – чей?
Голос ничейно всех.
Всех – никого вокруг.
Морок тебе – друг?..

Реки из рук роняя, сумрак непостижим.
Ревь, револьвер, веруй, эхом в тиши воспет:

нас уже войско, и все мы к тебе бежим.

Ты нас не видишь.
Тебя ослепляет
свет.

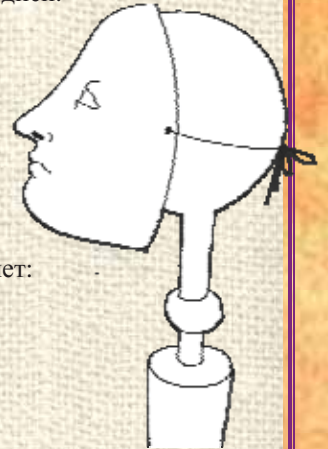

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус

Татьяна Зоммер

МЫ ВСТРЕЧАЛИСЬ С ТОБОЙ ГДЕ-ТО В ПАРИЖЕ

Когда мы встретились с тобой в галерее А3,
после прочтения стихов ты сказала:
– Мы встречались с тобой где-то в Париже...

Я никогда не была в Париже.
Но... Эйфелева башня, Монмартр,
Елисейские поля, берега Сены,
Собор парижской Богоматери
фотографически вмонтированы
в мой внутренний фильм,
Пиаф-Матье-и-кто-то-там еще
поют по-французски в моей душе,
Коко-духи и платья-чехлы от кутюр
возлюблены мною...
Но... Матисс-Пикассо-Дюшан-Дада
старательно рисуют во мне
Джоконда да Винчи усы Дали,
Элюар продолжает писать
французский верлибр Галé, джаз, балет-Жизель,
сюр-спектакль-Казимир-и-Каролина,
фестивальное французское кино и почти что наш
русско-французский улыбчивый Жерар Депардьё
мне знакомы.

Прокрутив в голове про-французское кино,
я промолчала. Так и не ответив тебе:
– Я никогда не была в Париже.

На тебе вместо черного элегантного
маленького платья и клипс
джинсы, куртка и ноль украшений.
У меня короткая парижская стрижка
и открытая шея с изящным, недорогим колье.
Мы болтаем в Москве за столиком уличного кафе,
заглядывая в свежую газету,
заказывая кофе и круассаны. Кофе и круассаны...
Я смеюсь навстречу
твоему открытому беззаботному смеху.

Да, мы встречались с тобой когда-то в Париже...

Tatiana Zommer

**NOUS ZOMMES RENCONTRÉS AVEC TOI QUEL
QUE PART À PARIS**

Quand nous nous sommes rencontrés avec toi
dans la galerie A3, après avoir lu les versets tu as dit:
– Nous sommes rencontrés avec toi quelque part à Paris...

Je n'ai jamais été à Paris.
Quoique... La tour Eiffel, Montmartre,
Les champs-Élysées, les rives de la Seine,
Notre-Dame de Paris
photographiquement sont présents dans mon film intérieur,
Piaf-Mathieu-et-quelqu'un-là encore –
ils chantent en français dans mon âme,
Quoique... Coco Chanel-parfums
et petites françaises robes-housses – ils sont amoureux de moi...
Quoique... Matisse-Picasso-Duchamp-Dada
dessine diligemment en moi
Monet-Lisa da Vinci moustache Dali,
Éluard continue d'écrire vers-libre-poème,
dédié au Galé-Dali, jazz, ballet-Giselle,
la surréalisme-spectacle Casimir et Caroline
au Festival du cinéma français de Moscou
et presque notre souriant français-russe Gérard Depardieu –
je les connais.

Quand j'ai fait défiler mentalement le film français
dans ma tête, je me taisais.
Je n'ai pas dit à toi: – Je n'ai jamais été à Paris.

Au lieu d'une élégante robe française noire,
tu portes des jeans, une veste et zéro bijoux.
J'ai une coupe de cheveux parisienne courte
et un collier élégant et peu coûteux sur le cou ouvert.

Nous bavardons à Moscou à la petite table d'un café de rue,
en regardant dans un journal frais,
en commandant du café et des croissants.
Café et des croissants.
Je ris en réponse à ton rire insouciant.

Oui, tu as raison, on t'a rencontré à Paris, autrefois, il y a longtemps...

А
В
Т
О
Р
С
К
А
Я
О
Б
Л
И
Т
Ь
В

Авторская билингва

Виктор Клыков

Victor Klikov

FEMME – MIRAGE

ЖЕНЩИНА-МИРАЖ

Elle est comme le vent,
elle se déplace.
Sahara bouge, Sahara danse.

Она – как бриз
и как волна.
Сахара движется слегка.

Elle est légère
elle a de l'audace.
Sahara bouge, Sahara danse.

Она легка,
Она смела.
Сахара движется слегка.

Elle est petite,
elle est ardente.
Sahara bouge, Sahara danse.

Она мала,
но горяча.
Сахара движется слегка.

Elle s'approche de moi
elle me traverse. –
Sahara bouge...
Et elle? – s'en va.

Она подходит ближе, да!
Она проходит сквозь меня.
Сахара движется всегда...
Она? Уходит, как волна.

*Оригинал на французском
1998, Алжир*

*Вариант на русском 1999,
Вена*

Александр Раткевич
Alexander Ratkevich

Из книги «Версиколоредная поэзия»

Мы **Nous**

Дмитрий Чернышев **Dmitri Tchernychev**

* * *

Ты идёшь, и мосты
Дрожат под твоими ногами,
И реки пульсируют в такт!

...

А бедное сердце моё – совсем истрепалось.

* * *

Tu marches et des ponts
tremblent sous tes pieds,
et des rivières
battent au rythme *de cela!*

...

Mais mon pauvre coeur est trop usé.

* * *

я не помню
вкус молока моей мамы

...

я помню вкус твоих губ
кислый, чуть металлический
там, где
душа соединяется
с
телом

* * *

Je ne me souviens pas
du goût du lait de ma mère

...

je me souviens
du goût de tes lèvres
sur et un peu métallique
là où
l'âme est fort liée
avec
le corps

Перевела на французский Ольга Логош

Кир Илландре

Из цикла «Бесконечные монологи
виноватого». Монолог № 1891

Я бы выпорол себя – да жалко.
А доверить постороннему – нелепо.
Разве знает он, когда остановиться?
Разве чувствует, как именно мне надо?

И звенит во мне металл – но без закалки.
Словно выкован я весь из этих «недо» –
Недопрочный, недогретый, с недоптицей,
Что в груди.
Что в груди – всё не надышится на ладан.

Неисправленный, непоротый, я – встану!
Понесу свои грехи, как эполеты.
Я пойду, наипрямейший, как патриций
И немного одновременно понтифик.

Я забуду все ошибки – чище стану.
Вновь невинно посмотрю на это небо,
И, просеивая солнце сквозь ресницы,
Сам с собою я начну свой вечный брифинг.

Геннадий Юшко

ДООС – стреколёт
Калининград

Владимиру Маяковскому 125 лет

Дон Кихот XX века

Под небом Грузии, в Багдади (Имеретия) неподалеку от горы – с неё бежал источник, наполняя влагой красную от виноградников землю – в доме из каштановых брёвен 125 лет назад был рождён Владимир Маяковский.

Не знала гора, не знал ручей и глядящие вдаль перевалы, что рядом с ними родился будущий великий поэт.

Позже о своём рождении Маяковский писал так:

В небе моего Вифлеема
Никаких не горело знаков,
никто не мешал
могилами
спать кудроголовым волхвам.
Был абсолютно как все
– до тошноты одинаков –
день
моего сошествия к вам.

До этого стихотворения – короткое детство. Учёба. Умер отец – Владимир Константинович Маяковский, и будущий поэт с тремя рублями в кармане мимо Кутаиси, мимо Тифлиса, с его железными вышками для воды – вода привозная – вдоль поезда, кругом пыль пустыни, над пылью ветряные мельницы машут неровными крыльями, машут – за снежные перевалы – к России.

Москва встретила Владимира Маяковского ветром революции, и он подхватил этот ветер, как можно подхватить стяг из рук падающего знаменосца. Пять месяцев одиночки, и камера 103 выпустила Маяковского в грядущее...

На дворе весна 1910 года. Идёт этой весной поэт, и нет у него ничего. И никого. Есть только незнакомый город, путанными кругами ведущий его в неизвестность. И город этот – Москва с низкорослыми домами, заглядывающими в апрельские лужи, в таких домах малина жулью и шляхам. Над домами и лужами смрад гниющего века. Из этих луж и вони взрастут вскоре великие стихи. Но сейчас поэт идёт весной от луж у храма Василия Блаженного, через калашные ряды с криками тёткок-торговок, у ног которых топчутся глупые голуби, клюющие с чёрного бульжника крошки вместе с грязью, идёт к Страстной, где без шляпы, в омытом столетним дождём и оттого сверкающем бронзовом плаще, стоит навсегда Александр Сергеевич Пушкин.

Возможно тогда и возникли строки: «...нам стоять почти что рядом...».

И Маяковский Владимир вошёл, нет – ворвался в российскую поэзию.

Ему рукоплескали и забрасывали солёными помидорами, его любили и ему улюлюкали...

Галина Шилина

«Футурист»

2016 г.

Виктору Шкловскому 125 лет

Виктор Шкловский

(1893-1984)

«...мы хотели переделывать мир»

Фото Виктора Ахломова, 60-е годы

Я прежде всего начну с того, что отличало и отличает старый авангард от нового авангарда. Прежде всего, мы были люди, как вам сказать, верующие в благо. Мы верили, что жизнь пластична и что мы ее возьмем в руки и ее переделаем. И что мы знаем, что будет.

Среди первых моих друзей был Хлебников, был Маяковский, был Малевич... Что это были за люди? Хлебников был постарше меня. Я их узнал так приблизительно в 12-13-м году... У Хлебникова есть книга, он несколько раз это издавал, был разговор ученика с учителем. Это было издано в Харькове. А потом это было издано в книге «Пощечина общественному вкусу»... И там были цифры, цифры без всякого объяснения, и приводились цифры каких-то событий, которые на глаз отстояли друг от друга на 317 лет. Кончалось это такой цифрой: «некто в 1917 году». У меня тогда была хорошая память, и сейчас у меня хорошая память, и я говорю Велимиру Хлебникову: «У тебя это годы – или у вас, я не помню, говорили мы на ты или на вы – у тебя это годы крушения великих империй, значит вы (или ты) предполагаете, что в 1917 году погибнет какое-то великое царство, вы думаете о крушении русской империи». Он мне ответил: «Ты догадался первым. Да, очевидно, это будет наша страна». Видите, мы были перед революцией, о которой мы знали, что она будет. Немного позже Маяковский говорил: «И я осмеянный у сегодняшнего племени, / как длинный скабресный анекдот, / вижу идущего через горы времени, / которого не видит никто». Дальше идет – в кровавом венке революций 1916-й год. Вот так, значит, мы ждали, что будет революция, большая революция, через несколько лет.

Малевич, как я вижу, рыжий, широкоплечий, был участником революции 905-го года. Маяковский вступил в революцию позднее. Но в промежутке между революциями, но, примерно говоря я, в 910-м году, почти мальчиком. Мы думали, что придет революция и не только исчезнет государство, но соединится. Хлебников писал стихотворение о восстании вещей. Сами вещи восстанут. Маяковский писал: «и каждая труба выкидывала колен 44», – так вот дымом введется. Причем, Хлебников думал, что после будет у людей в каждой стране своя стеклянная комната, что исчезнет граница между. Все одновременно, особенно Хлебников. Хлебников был архаист, человек, который любил Святослава. Того Святослава, который

Таков извечно путь гения.

Поэзия Маяковского, взрываясь, бурлила и будоражила литературу, как и сама, налетевшая на умы и чувства, революция. Но революция – это крики и шумы, и невнятица безликой толпы.

Выше революции – Любовь.

Любовь!
Только в моём
воспалённом
мозгу была ты!
Глупой комедии остановите ход!
Смотрите – срываю старушки-латы
я,
величайший Дон-Кихот!

Лирика любви у Маяковского величайшая, непревзойдённая.

Когда выковыривали мозг российского Дон-Кихота, тупились зубила, а смертная маска снималась и поздно, и торопливо – с кожей. Мозг, кинутый в эмалированный таз для взвешивания, большой – казалось ещё дышал, ещё куда-то торопился.

Грядущие люди!
Кто вы?
Вот – я
Весь
боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души.

У Владимира Владимировича Маяковского было большое сердце. Оно не могло вместиться ни в окружающее поэта пространство, ни в доступное этому пространству время. Его сердцу необходимо было нечто большее...

Вечность.

И она пришла вместе с весной 1930 года
Апрель. Москва. Лужи.

На памятнике Пушкину мокрый от дождей
плащ не сверкал, погрустнел.

«...Вам на «П», а мне на «М»...

Ещё был пистолет. В обойме одна пуля.

Что вспоминал поэт, пока пуля шла к сердцу? Возможно – красную виноградную землю в родном Багдади или ветряные мельницы на пути к России.

Но он – Дон Кихот XX столетия от Рождества Христова – сражался не с крыльями мельниц.

С самым ветром.

воевал в Греции, и Переславль завоевал, и о Болгарии говорил, что там середина его земли. И того Хлебникова, который говорил про печенегов, и того же Хлебникова, который говорил, что будет дальновидение, которое будет отражаться на всех заборах, и, может быть, и запах будет передаваться. То есть, о том, что тот мир, который мы видим ниже, людей, заключенных как в скорлупе яйца, что эта скорлупа будет разбита. И восставшие вещи, оставшиеся живыми, изменятся. Поэтому более такое представление – все изменится. Будет война. «Свинец согласно ненавидим – / Сию железную летаву / За то, что в мигах мертвых видим / Звонко-багримую метаву». То есть, мы видим войну и ненавидим ее. Ну вот, было не слабо, как когда-то говорил Маяковский: «Дралось некогда греков триста / сразу с войском персидским всем, / но нас, футуристов, / нас всего, может быть, только семь». Ну вот, так мы были у этой смерти в щели на передовых позициях. Ну на что мир изменится? Будут другие государства, другие отношения между людьми, ну, конечно, другая литература. Сгорит размер старый. Мы хорошо знали старое искусство. Ну там был человек, тоже недавно умер, 84-х лет, такой одноглазый художник Давид Бурлюк, в Гилее с низа Днепра, с братьями. Живой еще Крученых. Я, очень молодой. Смурной, очень красивый Маяковский. И молодой, тихий, уверенный в себе и всегда несчастливый, уверенно видящий будущее Хлебников. Я мало знаю сегодняшний французский, итальянский авангард. Сейчас меня много переводят. В Италии книжка моя «Теория прозы» в течение года выходит в двух, уже вышла одна, в двух издательствах. Вот я сейчас поеду во Францию говорить об этом. Но мне кажется, что современный авангард основан на отчаянии, на безнадежности, а наш авангард был основан на предчувствии изменения и на убеждениях, что это будет счастье. Поэтому, когда говорят про заумный язык, про другую форму, то это похуже, тут совсем наоборот. Похоже так, как похожа надежда на отчаяние, как похож восторг на забвение всего,

Александр Родченко, Виктор Шкловский, Владимир Маяковский. 20-е годы 20-го века.

как пафос похож на отчаяние. Мы думали, что будет другая структура очень скоро, еще мы не знали, из какого материала мы будем строить, и в этом ошиблись. Были странной веры. Мы даже думали, что можем добиться того, чтобы предметы перестали весить, что они будут висеть самим вдохновением... И если говорить, на кого похожа та структура, на которую надеялись архитектора 12-го года, то она была похожа на странную книгу, странную статью, которую все забыли. Это книга Гоголя об архитектуре. Она напечатана в сборнике его «Арабески». Ее одно время ругал Белинский, а потом, встретившись с Гоголем, сказал: то, что я сказал, – это ошибка, это хула на святого духа. Гоголь говорил, что старая архитектура умирает. Она стала, например, купол, она стала рабской, а будет другая архитектура, он говорил о вертикальной архитектуре, об архитектуре железа, не боящейся тяжести. Вот про такую архитектуру мечтал потом Татлин Владимир, высокий малый, похожий на матроса, с плоскими волосами, превосходный рисовальщик. Малевич был тоже превосходный рисовальщик. Я ему говорю: «А что ты не рисуешь то, что реально?» Он брал карандаш и он: «Что ты хошь, чтобы я нарисовал?» Я говорю: «Ну кошку». А он говорит: «А где нога этой кошки?» Я говорю: «У моего носа». И он делал так, рисовал, и это было похоже. И говорит: «Ну что, тебе интересно?» Я говорю: «Очень интересно». – «А мне неинтересно, ну кошка. Мы хотим сделать другое». Ну вот, мы хотели переделывать мир. Мы были убеждены, что мир не статичен – пластичен, его легко переделать. Поэтому Хлебников называл себя марсианином и выпустил воззвание марсиан. В этом воззвании он в качестве члена-соревнователя будущего государства марсиан приглашал... Я как-то встретился во время революции с Уэллсом и сказал, что он член-соревнователь. Ну вот, так почему же он член-соревнователь? Потому что Уэллс основан на отчаянии. У него прибором, изобретением, владеет не тот, кто его создал, а владеет ничтожный человек... владеет мещанин, человек, случайно им овладевший. А мы думали, что человек превосходит время. Вот сейчас появилось учение о будущем, слово футуризм появилось во втором смысле. Мы думали, что мы превосходим настоящее время. Поэтому среди нас были архитектора. Так Татлин мечтал о наклонной башне, которую посвящал Третьему Интернационалу. Теперь это было бы похоже на выставочный павильон. Но это был павильон той выставки, вещи которой еще не были созданы. Также изменилась музыка. Да я вот расскажу вам, как Прокофьев кончал консерваторию. Он написал симфонию. Играли его товарищи. Постепенно они замолкали. Музыка была настолько невероятна, что им казалось, что ноты врут, и умолкали то скрипка, то труба. В конце стоял один Прокофьев, который дирижировал, и виолончель играла, Иосиф Чернявский играл. Прокофьев спокойно дирижировал, кончил. Встал, как полагается, единственный оркестрант и поклонился ему. Он ему пожал руку. И, кстати сказать, он получил тогда диплом. Вещь была признана, было явно, что это гениально. Вот понимаете, как это все делалось.

...И Хлебников говорил: «Никто так хорошо не исполняет приказание, как солнце, если ему приказать утром встать с востока». Значит я желаю современникам – авангардистам, модернистам... всему миру, потому что только сейчас мы заводим человечество, мы ведь раньше не знали искусство друг друга, вот этому человечеству я хочу пожелать, ну, здоровья. Здоровье что? Даже умирать не страшно, другие родятся. Веру в будущее, преодоление будущего, вот, идти прямо рогами на стену, потому что стены падают и, в конце концов, Достоевский, и Толстой, и Хлебников, и Маяковский, и Сергей Эйзенштейн – они прожили счастливую жизнь, потому что они выразили себя так, как они хотели себя выразить.

Фрагменты интервью корреспондента Г.Яковлева иновещания СССР – Чехия от 1967 г. Запись предоставил для публикации Юрий Метелкин, портал «Старое радио».

Екатерина Адасова

Маяковский и Гоголь

Тень Гоголя на портрете Гоголя,
В Музее Маяковского мраком
играет.

Сказали, в сатире Владимир
Достиг высот Николая,
Может и так,
Но сила была здесь иная.
Полз Клоп к Душам,
Но там и сдох,
Был голос Маяковского грозен,
Но вдруг замолк.
В Бане все мылись
Остервенело и чище,
Бредут к Ревизору,
Там истину ищут.

Маяковский и Бурлюк

Исписаны страницы,
Карандаш серый,
Рисунок слабый,
Маяковский смелый.
Жирафу согнул шею.
С Бурлюком связан.
Самодельной страницей,
Обложкой детской,
Будущее распихиваешь,
С маленькой надеждой.
Ногой пинаешь прошлое,
Оно и так сдохло,
Но у тебя есть дело,
А к нему мускулистое
стихов тело.

Маяковский и Кедров

Люди дома выбирают,
Дома выбирают людей,
Кто-то лучше знает,
Из мира грозных затей.
Распределяет окна,
Двери не закрывает,
Он может, доброй
Птицей, низко летает.
Распределяет строчки,
Стихи, слова, страны,
Кто потерял ключик,
От дома с такой раной?

Маяковский и Лиля

Какая тайна,
Владимир и Лиля,
Последние строчки – «люби».
Какая надежда, какая сила,
Без слов, со словами – живи.
И лозунгом звал и крикам,
Последним беспомощным
словом,
Тоску, превратив в стихи,
Ты умер, погиб, рухнул,
Но Лиля – «люби, люби».

Маяковский и счастье

МАЯ! Мира!
Без ОКОВ,
В свете прожекторов
И МАЯКОВ,
К светлому счастью,
Идет МАЯКОВСКИЙ,
Поэт настоящий.

Анфиса Третьякова

Симферополь

МАЯКОВСКИЙ

разучился я
доверять весне
третий год подряд
ты не пишешь мне.

третий месяц вижу
я тебя во сне.
три недели пью
и не спится мне.

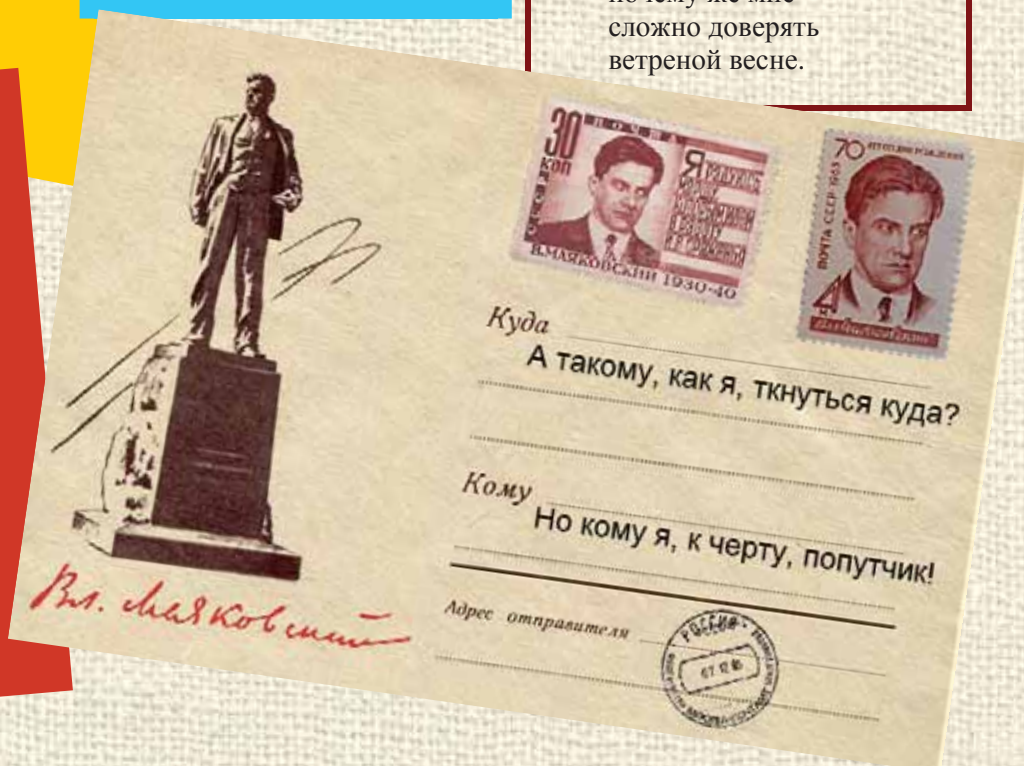
третий час пою
песнь весеннюю
от которой мне
нет спасения.

три минуты ждет
пистолет в столе
три секунды – и
меня больше нет.

научи меня
доверять весне.
появись в дверях
прислонись к стене.

проведи рукой
по моей спине.
проводи меня
к сказочной стране.

помоги понять
почему же мне
сложно доверять
ветреной весне.

Наталья Азарова

друг ДООСа

АРХИТЕКТУРА

гёльдерлинбашни
целланшлюзы
мандельштамбьямы
айгиовраги
пессоапричалы
 причитанья
 причитыванья
дуфухижина одна
на двоих-с-хайдеггером
 моятерраса
 общая

Бронислава Волкова

профессор Индианского университета
Блумингтон

Я башня в небо но держусь за землю.

Я страсть тепла увянувшего дерева.
Я горестно бродячий пёс, я дешевизна
тому заплаченная, кто не вышел
как солнце в нужный миг из дома.
Я бью в набат и в запертые двери.
Мне б знать, как одолеть порог и размечтаться в поле.
Мне б знать, как сон переступить и стать реальностью.

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин

БАШЕННОЕ

Вавилонская башня сквозит створчато, суховеет.
Всё выше строят руконоги в замозолившихся фарту-
ках. Вот уже птицеперья вцарапываются в трахеи, и
воздух кнутом щелк. Все выше высь, а неба нет как
нет. Все тише тишина земли. У бесконечной книги
нет начала, у высокоцелья – фундамента, есть лишь
плотно застроенная черная дыра. На верхотопе же
имеется поликратово окошко, откуда можно выпер-
стниться рыбкой в бултых забытомыслия.

Александр Добровольский

Смоленск

ВЕКА СЕРЕБРА

зубцами подобная пшеничному колосу
крепостная стена
изгибаясь вперед как туман
продолжается скорей чем в пространстве
в других временах
так что сам туман вьется
вдоль пружинистых линий
как от поезда пар
а цвета птичьих гнезд
и героические как рост дерева
кровли башен
простотой сравнимые
со сложностью кружева
давно стали формой неба

Галина Мальцева «Башня полнолуния» (компьютерная
графика), 2018 г. Специально для ПО.

(Поэма переразложения слова)

1
 ОП!
 я и Зэ
 ОП!
 я и Зэ?
 ОП!
 ЯЗЭ.
 ЗЭЯ
 оп-с!
 я – N – з?
 НЗ
 НЗ
 НЗ
 НЗЗЗЗЗЗЗЗЗ
 оп-оп оп-оп
 по-по-по-по-по-по-по-по
оп
 о нзззззззз
 язэ-зэ язэ
 зэя

Сергею
 Бирюкову

2
Я –
ИЗЭОП!
 оп.
 я и.
 зэя.
я и Эзоп!
Эзоп и я
ЭЗОПИЯ!

3
 Зэ?
 Зэ
 и я –
 оп?
 зия –
 ОП!
 Зээээээ...
 и –
 яааааа...
 ОП! ОП!
 Оооо!
 зи
 зииии

4
 – ПО!
 – Эз?!...
 – ...и я

5
 Пооооо--уууу
 Зээээ--уууу
 я и
 зи
 зяяя
 пооооо
 зээээээ
 яяаааа
 ииииии----зззз

И.
 Я.
 ЗЭ.
 ПО.
 ПО. ЗЭ. Я. И.
ПЗ! ОЭЯИ!

6
 П-П П-П П-П П-П
 ОООО О-О О-О ОООО!
 ЭЭЭЭ Э. Э. Э. ЭЭЭ!
 ЗЗЗЗЗЗЗЗЗЗ
 ИИИИ И-И И-И ИИИИ
 ЯЯ яя ЯЯ яя ЯЯЯ... я

7
 По,
 Эзи + я
 По!
 о, Эзи!
 ...э, Я!
 Эзи!
 Я-Я!
 По?
 Эзи?
 а яаааа?!
 Эзи... Я-аааа!
 Эзия
 эзия
 эзия
 Эзи я
 Эзи я
 я я я
 Эзи
 я-я
 зия!
 яэ!

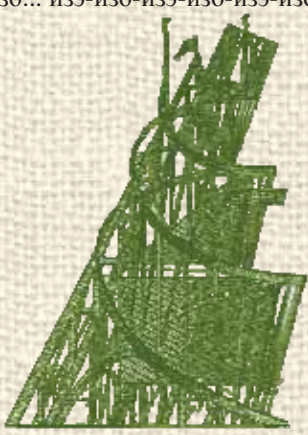
10
 зээ-оо-ии-пя
 я-пи-о-зэ
 я-пи-о-эз
 япи
 япи
 япи
 япи зэ!
 япизэ
 япизэ
 япизэ
 япиЭЗ
 зип-зип... зип-зип
 оэ-оэ... оэ-оэ
 зоп-зоп... зоп-зоп
 эо-эо... эо... эо...
 зяп-зяп... зяп-зяп
 иэ-иэ-иэ-иэ
 зп-пз-зп-пз-зп-пз
 оэия-оэия... оэия-оэия-оэ
 ия –
ЗОЭПИЯ!

11
 Я и Зэ –
 оп?
 Эз и я –
 оп?
 язиэ –
 по?..

8
 я –
 Эзи?

12
 ОП!
 эз и я
 ОП!
 зэ и я...
 пооооо
 ОП! ОП!
 пооооо--уууу
 ОП!
 ПО
 ЭЗИ
 Я

9
 зи-зи зи-зи!
 Я о Эзи!
 изэ-изо... изэ-изо... изэ-изо-изэ-изо-изэ-изо
 ози зи зэ
 зи зэ ози –
 о!ооо!
 По, Эзи, я
 По, Эзи, я
 По, Эзи,
 я
 Поэзи –
 иняияияия...
 и
 я

13
ПОЭЗИЯ!
 25.02 – 25.03./
 17 – 26.08.2007

Иван Чудасов

кандидат филологических наук
Санкт-Петербург

Существует мнение, что палиндромы невозможно переводить на другие языки. Судите сами, как сохранить не только слова, смысл слов, но и одинаковый порядок чтения слева направо и справа налево? Как, например, перевести знаменитую фразу «А роза упала на лапу Азора»?

Но поэтические возможности безграничны. Вот «Перевертень» Велимира Хлебникова:

ПЕРЕВЕРТЕНЬ

(Кукси, кум, мук и сук)

Кони, топот, инок.

Но не речь, а черен он.

Идем, молод, долом меди.

Чин зван мечем навзничь.

Голод, чем меч долог?

Пал, а норов худ и дух ворона лап.

А что? Я лов? Воля отча!

Яд, яд, дядя!

Иди, иди!

Мороз в узел, лезу взором.

Солов зов, воз волос.

Колесо. Жалко поклаж. Оселок.

Сани, плот и воз, зов и толп и нас.

Горд дох, ход дрог.

И лежу. Ужели?

Зол, гол лог лоз.

И к вам и трем с Смерти-Мавки.

Текст был написан в 1912 г., и за 5 лет до начала предвещает Октябрьскую революцию («Чин зван мечем навзничь»). Удалось найти несколько переводов. Например, на словацком языке (в кн.: Chlebnikov, Velimir. Deň modrých medved'ov / Preložil Milan Ferko. Bratislava: Slovenský Spisovateľ, 1969. 147 č. Č. 12-13):

OBRATEŇ

Čo to? Otoč!

Obrateň? Netár, bo

čín rúk volá – válov kúr nič!

Zaraz

čerí hon nôh i reč.

Kone i vienok.

Dupot sám má stopud.

Mor dúm o múdrom,

o lese veselo.

Národ letel do rán.

Mával lávam.

Lavína ani val.

Ideme! Rev tóny nôt v ére medi!

Oheň? Dobre, lamela-maská, ak sám ale

mal erb od neho.

Morte vetrom!

Volhu diví vid uhlov.

Popísal asi pop

more perom.

Kat kali topor o pot i ľak – tak!

A hen – neha...

Заметка о «Перевертне» В. Хлебникова на иностранных языках

Otup puto!

Jedom odej!

Píš moku lukom šíp!

A baran letel na raba.

No on –

mrk oka ako krm.

Ráno kuchár hodí do hrachu konár.

Novína utína – ani tu, ani von.

Karnet nepil, lámal lipeň ten rok.

Ženam manež.

A nám manna.

Mosadz a morava! Horí piroh Avarom.

Azda som –

ak bok mám, kobka.

Tam – mat.

Čuč.

Nes sen.

С незначительными изменениями на словацком «Перевертень» есть и в другой книге: Chlebnikov, Velimir. Samostrel lásky / Vybral, preložil, predslov, poznámky napísal Milan Ferko. Bratislava: Tatran, 1985. 212 č. Č. 34-35.

Иржи Тауфер, переводя Хлебникова на чешский язык, воспользовался другим палиндромным произведением Велимира, поэмой «Разин», и дал свой текст по его мотивам (Chlebnikov, Velimir. Čmáranice po nebi. Výbor z prací přeložil Jiří Taufer. Praha, 1964. 321 č. Č. 103-106):

OBRATEŇ

Pokus

o analogii pasáže

z básně «Razín»

J.T.

Já, Razín, s vílou vědy volám lesy čísel,

malo viděv u oliv. S ní – za raj!

Kalí silák

meč. I dal soseně dýmy den s osladičem.

Saze zas.

A kouř u oka

i náraz a rány.

Repot se šfíí. Míří šestoper.

Celý je jilec

a kov oka.

On a ráno.

A na

keře fek

mává mečem a vám

nese sen,

volaje: «Já? Lov!

Volho! Oh, lov!»

Nebo dopadá podoben

márám.

«Mířím!

E, tlapy, palte!

Šipe, piš!

Šlís?

Šíp? Mečem piš!

V oko okov!

Maněže nám!

A nám – atamana!

Udeř! Pán napředu!

Melem!

Melu kamenem a kúlem.

Tělo kosal, vysoko let!

A srp v prsa!

Tak, kat.

I kat má meč. Mám taky!

Ej, noho, hoň je!

Nevěra careven?

Á, cha!

Ji bičem I meči bij!

Lap! Pal!!

Nepal!!! Ej, je lapen!»

Kazak

letěl.

On met mečem... Temno...

Řek výmol zlomiv, keř

lámal

a teče ta

řeka na keř.

Ťal? Ať!

Šramy? Marš!

Neměř řemen!

Neleň!

Naň!

No i na rameni nemá rány on.

I letěli!

Žula kalila kaluž.

Владимир Буялюк.
Портрет Велимира Хлебникова.

Hor letěl roh.
 Ráje jar,
 léta těl,
 tuny minut,
 vána niv,
 nuly lun
 i roh hory,
 i váha a hávy.
 Žijí psi. Mizí žal, až i zimy spí již.
 Rezem den hlavolamy vymaloval. Hněd
 mezer.
 I pokryl medem lyr – kopi.
 Já – tichý taj.

Ni Valkýry, ni ryk lavin.
 Niva rtů. Nit stínů travin.

Такое же переложение «Разина» на чешский есть и в книге Chlebnikov, Velemír. Všem / Výbral a přeložil Jiří Tauffer. Praha: Odeon, 1985. 152 č. Č. 62-64.

Что касается немецкого языка, то в издании (Chlebnikov, Velimir. Werke 1. Poesie / Herausgegeben von Peter Urban. Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1972. 438 s.) есть три варианта: подстрочник (S. 307) и два палиндромных перевода:

1) Nie so sein, nie so sein! Peter Urban. S. 308.

NIE SO SEIN, NIE SO SEIN!
 Ein Eishase sah sie nie,
 Rehe eher:
 Einehe (lies: Seil), Ehe nie.
 Die Liebe (Beileid),
 Eis. Tot sie.
 Eis, troff fort sie.
 Ehe:
 Neben Gehege Geheg, Neben
 Nebeln leben.
 Barg nie ein Grab
 neuer Reuen Gras-Sarg, neuer Reuen
 Reihe hier?
 Kau mal K - Klamauk.
 Ruhe, Hure, Ruhe, Hur!
 Nie so sein, nie so sein!
 O, sei nieein Ei, so
 redete der
 Uhu.

2) Ratsel, Nebel, Manie... Oskar Pasitor. S. 309.

RATSEL, NEBEL, MANIE...
 Eis-Echo, wiederhell, ist still. Ehre die
 Woche sie.
 Zagbart, Schneemensch, Traggast.
 Ton tut not.
 Reite, Tier!
 Latz, muß zum Stall.
 Troff Seemann die Nelke talglatt, eklen Eid
 nahm es fort.
 Borg Mut, kotz Last, zahl Stocktum grob!
 Husch! Lieb, Gras, Sarg, Beil, Schuh,
 Nordachse, Zahn – naht's Eskadron.
 Hilf, FroschfSchorf, Flieh!
 Spring, Knirps.
 Ton tut not.
 Taub gurr, Trutz zurr, Trug baut,

Stille niest, Krummbeil, o lieb murkst eine
 List,
 schaut, Leckertrumm! Kuckuck murrst
 Röckeltausch.
 Netze, Weg, Tote wetzen.
 Renner
 trank die Ränder nie, ein Rednereid knarrt,
 euere Schlafenge segne falsche Reue.
 Geh, Welle! Steige Geist, Elle, Weg!
 Spring, Knirps!
 Rätsel, Nebel, Manie – nein, am Leben läßt
 er!

На английском языке только в книге (Klebnikov, Velimir. Snake train: Poetry and Prose / Edited by Gary Kern. Ann Arbor: Ardis, 1976. 338 p.) на странице 66 удалось найти подстрочник, который нам сейчас мало интересен.

О «Перевертне» и других палиндромах можно почитать здесь: Чудасов И.В. «Перевертень» В. Хлебникова как этапное произведение в русской палиндромистике // http://yarus.aspu.ru/images/File/library/chudasov_5.doc; Чудасов И.В. Несколько наблюдений над палиндромами // http://yarus.aspu.ru/images/File/library/chudasov_6.doc

Говоря о палиндромах на иностранном языке в целом, нельзя пройти мимо прекрасной статьи поляка Тадеуша Моравски (http://www.palindromy.pl/palindromes_ru.htm), где приводятся примеры известных в своих странах палиндромов:

Каталонский: «Catala`, a l'atac» – Атакуй, Каталонец!

Хорватский: «Ana voli Milovana» – Анна любит Милована.

Дтский: «Skal Eva have laks» – Любит ли Ева лосося?

Английский: «Do geese see God?» –

Видят ли гуси Бога?; «Race fast, safe car» – Быстрые гонки, безопасный автомобиль; «Was it a cat I saw?» – То, что я видел, было ли котом?

Эсперанто: «No mateno, bone tamen» – Не утро но, однако, хорошо?

Финский: «Ана, kanna kana» – Анна, принеси цыпленка.

Французский: «Bon sport, trop snob» – Хороший спорт и для снобов.

Немецкий: «Ein Esel lese nie» – Осел не обязан читать.

Итальянский: «Autore, ero tua» – Автор, я была Твоя.

Латинский: «Sum summus mus» – Я самая маленькая мышь.

Португальский: «Ato idiota» – Глупое поведение.

Русский: «А роза упала на лапу Азора»; «Кит на море романтик»; «Дорого небо да надобен огород» «Я иду с мечем, судия!»; «Аргентина манит негра»; «Кулинар, храни лук»; «Ранил укусом осу кулинар»; «Он вор, но мил. Но и мы не лезли, пока не накопил “зелеными” он “лимон” ровно» «А в Тибете – битва».

Чешский и словацкий: «Jelenovi pivu nelej» – Оленю пива не лей.

Испанский: «O rey, o joyero» – Или король, или ювелир.

Шведский: «Ni talar bra Latin» – Хорошо говоришь на латинском

Норвежский: «Anne var i Ravenna» – Анна была в Равенне (город).

Таким образом, палиндром существует на многих языках мира, и, несмотря на сверхсложную задачу, переводчики иногда показывают не только прекрасное знание иностранного языка, но и блистательное владение собственным.

Марина Карягина

Чебоксары

Подстрочный перевод

Монопалиндром на чувашском языке

Юратса пӑрах:
 выҫса пурӑн,
 айлат,
 уҫ утрав,
 ака ту та пут рехете –
 лӗп ан савах!
 Эп: "Ӹтпе тасара – тараса", –
 теп.

Тӹпе хавасна пӗлет эхер,
 тупа ту та кавар ту,
 ҫутал!
 Янӑру – пас!
 Ҫывхарӑп: астар, уй!

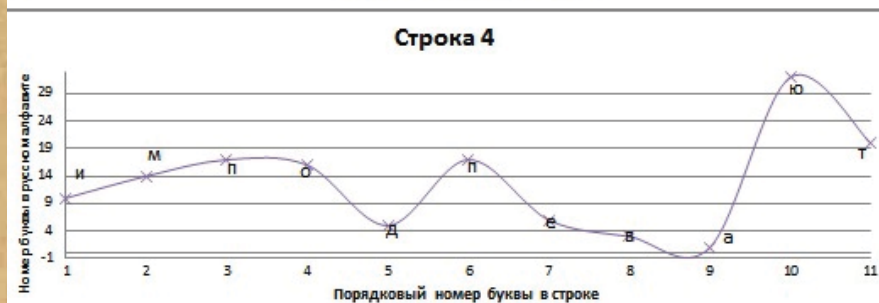
Влюбляйся:
 живи впроголодь,
 выража й чувства с возгласом
 «ай!»,
 открывай острова,
 засевай поля и блаженствуй –
 но люби горячо!
 Я говорю: «Право у того, кто
 чист телом». –
 Коль небо поймёт радости
 земные,
 клятву давай и вступай в заговор,
 излучай свет!
 Звон будто иней!
 Приблизусь: мани, поле!

Андрей Чайкин

В «Графических стихотворениях» представлена попытка объединить поэзию с математикой и музыкой одновременно. Каждая строчка стихотворения записана в виде графика и каждой букве соответствует своё законное место. По оси абсцисс отложен порядковый номер буквы в строке, а по оси ординат – порядковый номер буквы в русском алфавите. Таким образом, мы видим математическую запись стихотворения, напоминающую нотную грамоту (в нотной грамоте вертикальная позиция ноты определяет высоту её звучания, а горизонтальная – порядковый номер ноты в музыкальном произведении). Кроме того, каждое записанное в виде графика стихотворение индивидуально и неповторимо, хотя каждая отдельно взятая буква не может выйти за пределы установленных рамок, что указывает на их родственную связь с маятником метронома, совершающим колебания только в определенных границах, всегда повторяющимся, но повторяющимся уникально.

Образ херувима

1. Крестоносцы на крышах
2. падают по одному под общий марш.
3. Богомолки в подвалах
4. им подпевают

Сергей Шилкин

Салават

ЗИККУРАТ

Жизнь безжалостно нелепа –
Жажда зрелищ, жажда хлеба.
Смерть-злодейка, целясь в небо,
Строит зиккурат.

С дуновеньем едкой смерди
Зиккурата – дюйм до смерти.
Мне не верите? – Измерьте!
Минимум затрат.

Воздух туг и неподвижен.
Небо цвета спелых вишен.
Утопая в «television», вижу,
Как Сократ
Разрубил – съев яду с гречей –
Узел всех противоречий.
Говорят, Христа предтечей
Был сей Демократ.

Расщепить пытаюсь атом,
Тот, что выдуман Сократом,
Я корплю над аппаратом –
Я Сократов брат –

Чтоб прогнать по трубам кварки
(будут те шкворчать, как шкварки
В чугуночке у кухарки)
К башне в аккурат.

Части ядер в недрах Церна
(На лугах стоит цистерна
И вокруг цветёт люцерна –
Ab terrAstra ad),
Сбившись фокусом обильно,
К зиккурату мчат мобильно...

Но нас крутит мотовильно
Бесов магистрат...

Владимир Пучков

Николаев

СТАРАЯ КРЕПОСТЬ

Славный денек!.. С утолённой печалью вчерашней
сядем в тенёк под картечью калеченой башней.
Сняли осаду. Фасад размалёван, как ребус:
«Bar Bastion». Демилитаризована крепость.
Рваные уши наставили встречному вою
псы крепостные, вышвырнутые на волю.
Мы из страны, что всегда пребывала в осаде,
порох копила и локти кусала в досаде,
до миллиметра делила казённую пайку,
мёртво зажав мавзолея гранёную гайку.
Равенство хлеба и водки... Ах, много ли надо
детям кирзовой Слободки и Дикого Сада!
Сняли осаду... Но что нам соблазны ОВИРа!
Сели над пропастью, свесили ноги с обрыва:
город подсолнечный снизу шкварчит, как жаровня,
пылкий ракушник – державным гранитам не ровня.
К лакомой кромке, довеску имперской краюхи,
вольные волны, шурша, подползают на брюхе.
Прядают яхты, на боны накинув поводья.
Бухта в штриховке – как мачтовый лес в половодье.
За волнорезом – закатная тропка до Бога.
А за спиною – булыжная наша дорога...
Ржут интуристы, где мы на часах сатанели,
лбы расшибая о вшивые швы цитадели.

Солнечные
часы
в городе
Николаеве

Андрей Вradий

ДООС – светозавр
Москва/Лейпциг

ПРОГУЛКА

поднимаясь по лестнице
дышишь
видишь
слышишь
поднимаясь по лестнице
считаешь
решаешь
ускользаешь
поднимаясь по лестнице
забываешь
отмеряешь
вспоминаешь
поднимаясь по лестнице
из башни
в башню
неспешно
гуляешь

Олег Федоров

Тюмень

Башня

Она стояла прямо
перед моим окном, –
Зимой
под снегом,
Летом под дождём.
Солнце освещало её железные,
ржавые бока.
Туман укрывал своим пледом.
Дети гуляли рядом.
Лазали по ней.
Заходили внутрь
её деревянного тела.
Разводили костёр неподалёку.
Лепили снежную бабу.
Играли в футбол на одни ворота...
Её крыша,
собранная из дощечек,
напоминала вертеп
на картинах нидерландцев –
Гуго ван дер Гуса
или ван Вейдена...
Ночью,
когда загоралась звезда
прямо над нею,
можно было думать о Марии...
О пастухах, которые пришли в этот
пахнущий сеном хлев,
поклониться живому Богу,
увидеть звезду в небе,
приветствовать Чудо...
И снег, мягкий снег,
наверное, так же падал.

Утром, просыпаясь,
я знал, что подойдя к окну
снова её увижу.
Вечером,
засыпая,
я знал, что она где-то рядом...
Это было в июле.
Пришли лесорубы.
Разобрали её на тысячи частей.
Теперь, там где она стояла –
Пустое место.

11. 12. 2001

Р Века демиург –
У Русский авангард
С Разрывая круг
К Катится квадрат

И Катится квадрат
Сквозь сосновый лес
Прямо на заре
Превращаясь в крест

А Превращаясь в крест
Что казнящий мир
Округлил до форм
Странных Казимир

В Чёрен он и груб
Спорен он и глух
Всасывает всё
Слово бы дыра

А Каждый личный крик
Каждый лишний звук
Остальное всё
В общем-то мур

Н Смотрит он на нас
Словно в телескоп
Как мы здесь живём
Сквозь пространства снов

Г Смотрит он на нас
Словно бы в трубу
Как мы здесь молчим
Закусив губу

А И не надо слов
Кроме – дыр-бул-щил
Когда времени
Пустота Кричит

Р Из квадрата вновь
Превращаясь в круг
Заполняя всё
Космосом вокруг

Д Чтоб из черноты
Выросли цветы
Чтоб из века в век
Строились мосты

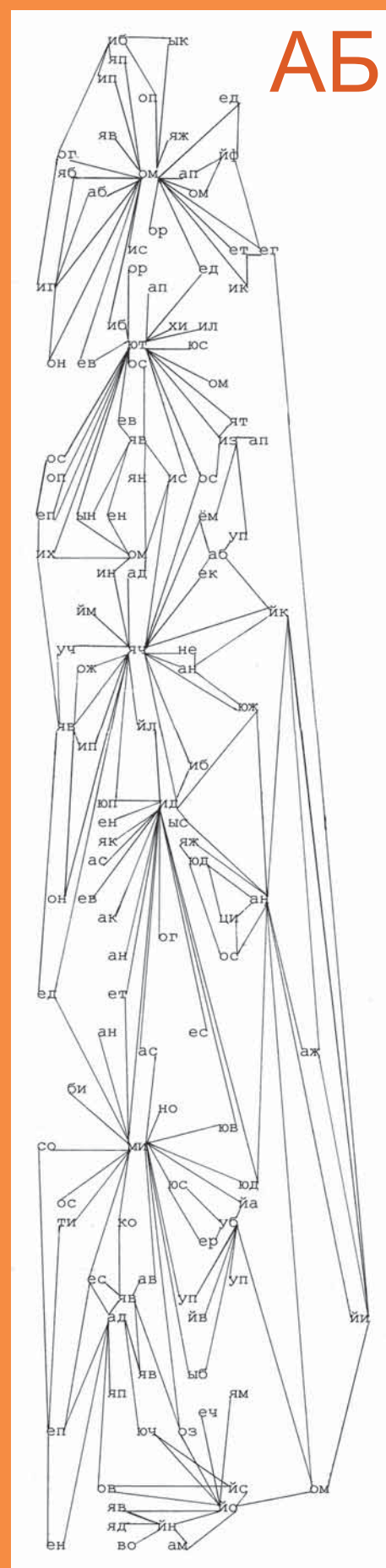
К солнцам ли
Мечте
Из вселенской тьмы
Через я и ты
В – Мы

11-12.12.2017

26

Света Литвак

ДООС – зиоса

Айя Рум
Санкт Петербург

КРОВЬ БУКВ

кровь букв
сочится
вымарана ими
страница
слово
не воробей
оно другая птица
та что улетает
из дупла
рта
чтобы
в раковину
уха
возвратится

БУКВОБАШНЯ А! Я
БВ, ЮЭ
ГДЕ: ЪЫЪ
ЁЖЗ; ЩШЧ
ИЙКЛМ - ЦХФУТ
НОПРС = СРПОН
ТУФХЦЧШ? МЛКЙИЗ
ЩЪЫЬЭЮЯ... ЖЁЕДГВБА

Построила буквобашню Елена Кацюба

Валентина Боован Куукан

ДООС – волкозавр
Элиста

Алфавитка – от А до Я и от Я до А

Антон был вором,
Гришка – дачник,
Едрёна, ёлкой жил – зазор!
И йентот куст литровкой масла
Намедни он полил. Разгром
Счинил тупице узурпатор:
Флакон хранила церковь, черти
Шарахались щита – ыбысь!
Эко, юродство!
Я...
Юдоль энту! Ыбысь-ыбысь!
Щедроту шибкую части,
Цельбу, храмины фимиам,
Украл тебе?
Сотрап! Развратник!
Полил.... О! Небо!
Миррой лапу курчичке...
Йошкин испытатель,
Занеже злыдень, забобона,
Жидовый ёрник, едрёна дачник,
Гришка –вор!
Безбожный бзик бузил

Антон.
Басил, бесчинствовал, брыкался
Ворчал, воинствовал, валялся,
Глупел гогочущим гусём!
Домашним деспотом дробился,
Ежонком, Ё-моЁ, ежился...
Жадюга желчным желваком
Зудил, зараза. Запотел –
Иисуса исповедь истратил,
Коран коверкал, костылял,
Ламримом, ламами ломился
Молитвы Мекки молотил.
Нирвану, небеса напомним
Ослон, овцою обозвал.
Пыхтел, поникши, поливальщик,
Рыдал, раскаявшись, рычал,
Сидел скукожившись, синицей,
Терпел, таращился, терзался,
Усы украдкой утирал...
Флакон
Хранила
Церковь
Черти
Шарахались
Щита
Ыбысь...
Э э э...
Юууу....
Я?!!!!

Я
Ю
Щ
ТУФХЦ
НОПРС
МЛКЙИЗ
ЖЁЕДГВБА

Борис Бартфельд

Калининград

* * *

Кирпич
твоих королевских башен,
шпиль
христианский протыкающий небо
Куршу не страшен.
Заезжий бич
украдкой плачет
не в силах отличить
готический мотив
от баловства модерна.
Подземная патерна
Хранит росинки янтаря,
Растиранные равномерно
Ногтем луны
по щеке кирпича.

Башню создал

Михаил Молочников

друг ДООСа

Алёна Малиновских

БАШНЯ

В окне не гаснет жёлтый свет –
ночник устало гонит тени.
Как робкий гость, как лёгкий след
ведёт прохожих в мои сени.

Я в башне скрыта от людей,
дракон со мною неразлучен,
и нет истории глупей,
чем отыскать от башни ключик.

Но каждый тянется к теплу,
обещанному жёлтой лампой,
и тут же крошится в золу
под огненной драконьей лапой.

Я около окна сижу,
смотрю на линию в ладони...
Лишь в зеркало глядеть стыжусь –
Блестит оттуда глаз драконий.

Владимир Шемшученко

Всеволожск

МАЯКОВСКИЙ

Перестарались служители зияющей пустоты
И рассердили ветер... Мне ли о том жалеть!
Теперь, сказавшись больными, дрожат, поджимая хвосты -
В наших краях от усердия немудрено заболеть.

Рядом с ОКНАМИ РОСТА, ободранными догола,
Ходят серые волны с льдинами наперевес.
Если по недомыслию выйдешь из-за угла,
На шею стихи Есенина тебе наматывает бес.

Самое время мысли в строй загонять пером,
Или сливать в уборную голубокровный бред,
Чтоб из двора-колодца, как пустое ведро,
Чёрный квадрат вынырнул и рывкнул, что солнца нет.

И всё-таки жаль плутишек, рьяных не по годам -
Их теперь, оглашенных, затопчет любая тень,
И смоем большая вода с камней Великого города...
Я бы их спас, конечно, да что-то сегодня лень!

Александр Федулов

ШУХОВСКОЙ БАШНЕ НА ШАБОЛОВКЕ

Не саблю, но лиру эфиру;
Ажурный, но крепкий темляк
Оставил в виду всему миру
На память великий земляк.

Но память – не свежий продукт.
И Шухов что Сухов в песках.
И битвы в эфире идут,
Вальсируя словом в висках.

А башня, что слово пророка,
Стремится молитвою ввысь,
Туда, где чается смысл.
И там зарождается мысль,
И крепнет до нужного срока.

Ажурный мощнейший выброс
Застыл в назидание нам, –
Конструктивизма клирос,
Дерзание веры-ума.

Александр Карпенко

ДООС – афганозавр

УЧЁНЫЙ МАГ НИКОЛА ТЕСЛА

Когда в каморке стало тесно –
Святая всех его святых,
Учёный маг Никола Тесла,
Кудесник молний шаровых,
Преодолел бездонность выси,
Стихий бездомных волшебство,
И одиночеством, как мыслью,
Пространство обожгло его.

Он был пытлив, он был старатель –
И в нём заговорили вдруг
«И случай, бог-изобретатель,
И гений, парадоксов друг».
И на задворках тёмных мира
Он жизнью отыскал ответ:
«Всё происходит из эфира.
И электричество, и свет».

Алексей Чуланский

Подольск

* * *

Алхимик молний ждёт
Он в башне
У атанора своего
Он завтрашний и он вчерашний
Он трансмутация всего

Вот небо тайной потемнело
И спрайт ударил в шпиль жгутом
В реторте вырвались из плена
И засиял стеклянный дом

Nigredo о да ли albedo
Рубин rubedo до ми соль
Иль гримуар довел до бреда
Иль Илу дал устам пароль
Драконы
Уроборос из роз созвездий
И царь младенец с ним играл
Цари земные ждут возмездий

Алхимик
Звездный
Карнавал

Стаханова Дарья

Тула

БАШНЯ ГРИФОНОВ

Под гротом тень, под тенью – океан.
Причал безлюден, анфилады зыбки.
Дно каменисто, между камней рыбки.
А над водой клубящийся туман –

Всё это в башне. И на самом деле.
Налево в угол, если со двора –
На клёнах вдрызг обглодана кора
Под окнами у старикашки Пеля.

Как дождь утихнет – выползает в ночь
И замирает на латунной крыше
Грифонов свора. И взлетает выше.
Кружит над башней и несётся прочь.

У Пеля сын – пуглив и диковат.
На нём учёт вернувшихся на утро.
Он досыпает в краску перламутра
И начинает цифры рисовать.

По правде, Пель – аптекарь, не пастух.
Но в башне до смешного мало места.
И чтоб грифоны не удумали протеста,
Он отпускает их потешить дух.

Они же долетают до Памира
И спешно возвращаются домой.
Мелькают тени сплошь по мостовой
У башни, где скрывается полмира..

Валерий Сопп

Офорт

**Башня Ганнибала
в Тайцах**

Александр Федулов «Исчезающие слобашки». Специально для ПО.

Исчезающие слобашки

Церковь святителя Алексея, митрополита Московского (1915, архитектор А. Экскузович) в стиле модерн в Тайцах (Ленинградская область).

На карте Ингерманландии А. И. Бергенгейма, составленной по материалам 1676 года, оно упоминается как деревня Staitsa. Во время Северной войны Пётр I отвоевал эти земли и пожаловал мызу Тайцы адмиралу И. М. Головину, прапрадеду А. С. Пушкина по отцовской линии. В середине XVIII века мыза Тайцы, а также деревни Кобрино и Суйда, принадлежали прадеду А. С. Пушкина по материнской линии Абраму Петровичу Ганнибалу, которые он завещал младшему брату Исааку. Затем мызой Малая Тайца с 6 деревнями и 120 душами владел капитан третьего ранга морской артиллерии Исаак Абрамович Ганнибал (1747-1804).

Герман Гецевич

ЛЕНТУЛОВ

Крыши домов взгромоздились на крыши домов,
Солнце схватилось за волосы воздуха цепко,
И близнецами сиаемскими головы всех куполов
Память прожгли, отлучив от локального цвета.

В вечном наклоне пылающих башен и стен,
В калейдоскопе Москвы раскрывается складень:
Голос Ивана – Велик, и Василий – Блажен,
В теме огня – Прометеем прикованный Скрябин.
Краски звучат, их так много, что сердце полно
Страхом судилища, где увели арестанта,
Может сам Бог на развёрнутом пёстром панно
Сделал мазок вдохновенной рукой Аристарха.

Тычутся в небо святыни с грехом пополам,
В этой феерии, не избежавшей Голгофы –
Не возвышается, а рассыпается храм,
Будто предвестник не празднества, а катастрофы.

А.Лентулов «Ворота с башней», 1917 г. (фрагмент).

Хадаа Сендоо

друг ДООСа
Улан-Батор

Ответь

Должен ли я платить по счетам за все,
что в жизни этой творится?
Почему наши полные слез глаза
не встречают сочувствия в глазах встречаемых?

Должен ли я, не желая смерти,
неизбежно столкнуться с ней?
Неужели лишь компромисс – путь к свободе?
Или я просто гадаю, чтобы найти покой?

Буду ли жить я
с невыразимой болью, скрытой
в тайных глубинах сердца,
пока представляю миру шоу своего счастья?

Неужели мне унижение терпеть до тех пор,
когда отпустит меня рука моей боли,
и ветер земли под дробь дождевых капель
мне закроет глаза?

Задавала вопросы по-русски Елена Кацюба

Борис Шифрин

Санкт-Петербург

День рождения Хлебникова

«Деточка,
Ты пьешь вино
Из высоких чаш.
И не все ли нам равно –
Птица прыгнула в окно?
Дождик с птицей заодно
Хлеб склевали наш?»

.....
Финляндия, где в начале мая
Весла стучаются об лед,
Я читал незнакомым забыл не знаю
Кто мне память вернет.

###

С антресолей
из чемодана

письма,
небесная манна!
Но это крохи.
Этой не вижу, а той не найду эпохи.

Сергей Белорусец

* * *

1

Воскресли потомки волхвов –
И подняли эго на щит...
И эхо потешных полков
Вблизи Черкизона звучит...

И вечность объять не пора,
И пробует время на вкус
Придворный алхимик Петра,
Сподвижник его – Яков Брюс...

2

Приворотные пласты
(Частью в стиле а-ля рюс...)
Эликсир из бересты
Взялся сделать Яков Брюс.

В Башне Сухаревой – свет
(Тень – на третьем этаже...)
...Башни Сухаревой нет.
Век (без четверти) уже...

3

Плутая в разломах трёхмерного сдвига, –
Опять –
Обращаешь глаза к небесам.
Утрачена Брюсова «Чёрная книга».
Свою – «Чёрно-белую» –
Пишешь ты сам.

Конечно, не сам...
Впрочем, речь – про другое
(Которое – тоже – отчасти – фантом...)
И всё – под ногою.
И всё – под рукою.
И – вновь –
Невозможно увериться в том...

P.S. Сухарева башня, в которой учёный, политик и полиглот Яков Брюс проводил свои изыскания, была построена по инициативе Петра I в 1701, а разобрана в 1932 при Сталине. Разбор башни начался неожиданно и завершился спустя примерно 2 месяца. Решение о сносе башни Сталин объяснял тем, что «советские люди сумеют создать более величественные и достопамятные образцы архитектурного творчества». Но есть мнение, что Сталин пытался отыскать артефакт, замурованный в башне самим Яковом Брюсом – колдовскую «Чёрную книгу». По одной из версий, писана эта книга самим сатаной, а попала она к Брюсу в составе легендарной библиотеки Ивана Грозного.

Moscou. La tour de Saukoreff.
Москва. Сухарсва башня.

ВСПОМНИМ

Нина Орлова-Маркграф

БАШНЯ

*Вариация на тему аварского
стихотворения Магомеда Ахмедова.*

Кончается осени красная пряжа,
Кончаются весны и белые зимы,
Годов моих башня все выше и выше,
и все торопливей строитель незримый.
Годичные кольца на башне пестреют,
все шире круги их, все времени меньше,
ось мира осиной скрипит окривевшей,
но слышится в скрипе: скорее, скорее!
Вращается жизнь учащенная в башне,
бьет кто-то кроссовком в сплетение солнца,
и птицы кричат телеграфно и страшно :
Качается... башня ... кончаются кольца ...

Елена Коро

ДООС – корозавр
Симферополь

110 лет Льву Полаку, доктору физико-математических наук, основателю отечественной школы плазмохимии

Слово о Полаке

Я слушаю много часов подряд живую и сложную речь, я – переводчик в word-формат, за кадром, за звуком. Контекст предлагает пространство имён, предполагает облечь теорию множеств в дискурс, в нем Ньютон и Социн догмат о троичности ставят на ноль, ставят на нем крест, а Полак хайкует, старый волк – лагерный лейб-знак – и сопричастность, и смех, это бессмертные клеймят соравностью им ГУЛАГ.

В конце 2014 года я участвовала в волонтерском проекте Музея ГУЛАГ, расшифровывала интервью с Надеждой Вячеславовной Александровой, гражданской женой Льва Соломоновича Полака, переводила материал из формата mp3 в текстовый формат.

Лев Соломонович Полак, физик, разработал теоретические основы плазмохимии 20 лет – в лагерях.

Лев Соломонович был редактором изданной на русском языке книги Ньютона «Математические начала натуральной философии».

Сама книга вышла в свет в 1687 году.

В 1987 году Полак организовал в Москве международную конференцию, посвященную 300-летию выхода книги в свет.

Он изучал переписку Ньютона с Локком.

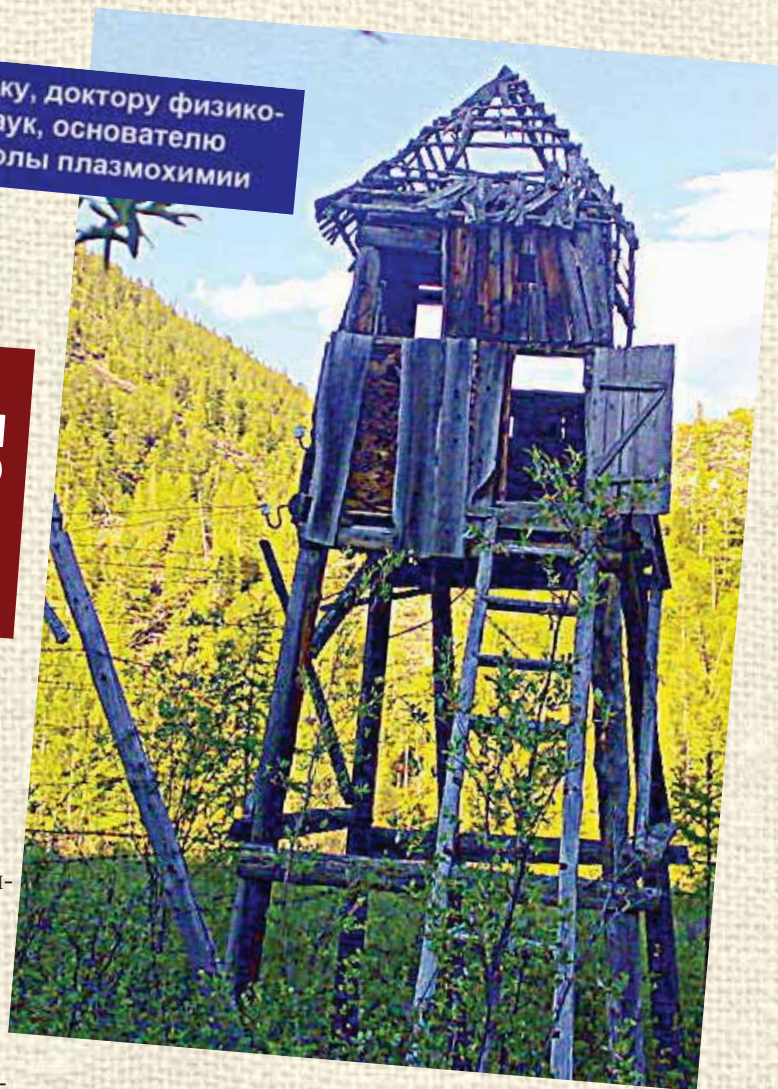
И вот на этой конференции Лев Соломонович выступил с докладом, причем, доклад на латыни. Он рассказал о своем открытии, о связи Ньютона с Фаустом Социном, о том, что Социн приезжал к Ньютону и Ньютон подарил значительную сумму денег во благо социнианства.

Саму же книгу «Неизвестный Ньютон» издал в 1999 году Дмитриев, но открытие принадлежит Полаку.

А еще в одном из лагерей заключенный писал портрет Полака. Этот заключенный очень верно подмечал сходство натуры человека с кем-то из животных. Из-под его карандаша вышел Волк.

История из лагерной жизни Льва Соломоновича. Заключенные сбегают с завода, на высоте 20 метров по узким трубам, побег, погоня. Лагерная

ВСПОМНИМ

Башня в лагере ГУЛАГа вдоль дороги Хандыга-Магадан. Якутия. Фрагмент фото Лео Каганова

охрана не рискнула – по трубам. Один из заключенных по пути сломал лодыжку – или растянул.

Но его не бросили. Волчье лагерное братство. Обратное по трубам в лагерь, важно успеть до возвращения охранников. Успели, дошли все.

Всю жизнь после лагерей Полак отчислял часть зарплаты, затем пенсии своим товарищам, не получавшим ни копейки от государства даже после реабилитации. Лагерное братство заботилось о товарищах вплоть до их смерти.

Художники эпохи Ренессанса клали крупные мазки на полотна. Они писали Эпоху – на века.

Если следовать теории реинкарнации, понятно, откуда Полак родом, из каких. Из них, из бессмертных.

Или ГУЛАГ притянул своим чудовищным злодейством таких гениальных людей из породы титанов. Их дар – выстоять, их дар – верность братству, их дар – в оставшиеся годы перевернуть науку, их дар – сменить эпохи.

Их дар, воля и мужество. Их гений и труд.

Ибрагим Ибрагимли

Баку

*

Париж учит небывалому, тому, что неведомо в обычной жизни. Странники сего неведомого считают, что высота Эйфелевой башни соответствует уровню фантастичности, свойственной парижской жизни. Жить в этом городе обыденной жизнью невозможно. Париж – это город, не дающий миру погрузиться в пучину обыденности.

*

Парижские улицы с их неунывающей рекламой – это реклама потайных сторон жизни. Только этим полны сии улицы, избавляющие от чувства одиночества. Их бары, казино, дома и всё остальное есть призрак, грёза, только лишь не повседневность. Париж – это город, не найденный смертью.

Ростислав Поляков

Днепр

* * *

Ты будешь пить кофе по утрам
И думать о прекрасном Париже,
А для меня Эйфелева Башня
Простая обычная высотки крыша.
Где небо видится чуточку ближе,
Стоя на обрыве все кажется мнимым.
И у каждого свой Париж:
Мой – обычная крыша,
Твой – все та же мечта без границ!

Альма Наивны

Йорктаун

ПАРИЖ

Я умру не увидев Парижа
Не попробовав вкус его булочек
Мякоть нежную кожу улочек
Нотр Дамское пятикнижие
Сонм химер на остроконечиях
Готик верных Баху и Богу
Я приеду во сне понемногу
Отложив на билет конечно
Я услышу как Бах с Мессианом
Ноосферы тянут резину
И католик уйдя в нирвану
Подпоёт на слух муэдзину
Я поглажу кору желтых клавиш
У органа и шерстку горгулий
Я приеду в заветный улей
Я умру без Парижа знаешь

Увидела Эйфелеву башню
по-своему и нарисовала

**Кристина
Зейтунян-Белоус**
ДООС – графикозавр
Париж

Николай Шамсутдинов

Тюмень

* * *

Под вечер с отрешенной белизной,
Зажившейся в эпистолах бретонца,
Смешавшийся французский за спиной –
Заложница промозглого прононса:

«Bongoure, mon chere!»... Тогда, в любой из дней
Зимы, что поселян ввергает в трепет,
Не лицемеря в оттепели, – ей
Милей, с обузой будущего, лепет

Капели в желобах... Но, наповал,
В сугробах, захолустье – не Сорбонна,
А греющийся матерком – не галл
На Иль-де-Франс... Поэтому резонно,

Что, сведущи в оплошностях чужих,
Поживший шарфик затянув потуже,
Ни выводов, ни слабостей своих
Не поверяют вездесущей стуже?

Простоволос восток... Резной карниз
Пернатые, гаддя, обсели тесно...
Лукавая, подмигивает из
Протяжных гласных магия подтекста.

Крупнозернист мороз, спят облака,
Пока в приемном образе лингвиста
Вас застает обыденность, пока,
Не выпростав из ампула софиста –

Себя, вы задушевней, коль, ничей,
Сомнителен – как жизнь, в ряду триоизмов,
Лаз в Зазеркалье, может быть, – за ней,
Носительницей внятных галлицизмов,

Затвержено твердящей не с в о ё...
Французский спотыкается, неловок,
И в а ш а воля, побледнев, – в е ё
Лукавых гласных, в музыке обмолвок...

Денис Безнос

ДООС – дадазавр

анаксагор (и) рога

канделябrrрякаетикаетакаетолк
тел
тальк
толькооооооо
мельканделябrrромел
крошево
мыл
кружево
мол
ок оооооо
мелькомомельканделябrrр
рыкается стул
ругается стол
рук аист остыл
столькооооооо
брекекекексссс
пррружина оксс
сюморОн –
тоги нес
онтогенез
нус

Ольга Филиппова

Каменск-Шахтинский

ЦЕРАПАДУС

Редкому лаптю не сыщется пара...
только промазавший дважды амуР
Ангелом в сумерках кажется... хмур
наш церападус, листва сухопарА...
Зреют коварные замыслы под
маской невинности... психоанализ
Держит осаду... напрасно мы гнались
за совершенством... слуга двух госпоД
Вишню с черёмухой, с басом сопрано
путая часто, ещё не готоВ
О самобытности спорить... плодов
хочешь дожидаться... но было бы ранО
Если бы не было поздно... лишён
права пенять на своё отраженьЕ...
Нежные сажены, сажа саженой,
замка воздушного круглый донжоН...
Иммунитет против серости развит
наполовину... но стрелы любви,
Ересь, растущая деревом, и
след на развилке смущают нас развЕ?..

Герман
Виноградов
ДООС – огнезавр

Вавилонский дым

Авторский перформанс

Виктор Клыков
ДООС – австрозавр
Вена

Алекс-Ей Ели-Сей Круч-Ёных

В соре слов
рос выращивал
SUR A LA RUSSE.
Из малого
кручёного волчка
вырос
большой колосс
круче ёных
Алексей
Кручёных
Елисей
сей сей.
Сеял сеял
слова ловил
растил скрещивал
мешал замешивал
играл поигрывал.
С годами встал
с Владимиром во весь рост
без окон РОСТА
над миром
МАЯКОМ!
Оком
прозорливым
сверля века
предрёк
ПОБЕДУ НАД СОЛНЦЕМ

дав будущему миру
вместо его
ЖЁЛТОГО КРУГА
Малевича
ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ.
Не поняли
не остановились
получили урок
ЧЕРНОБЫЛЕМ и
ФУКУШИМОЙ!!!

При жизни
был мал и смешон
человек божий
Алексей.
Теперь ПРОРОК –
Родоначальник слов
МИРА основ.
Снов.

Александр Петрушкин
Кыштым

GRANDPARENTS ORATIONEM

-1-

Дочитать бы драму насекомой
этой своры, что – став колесом –
катится под горку от подводы,
как потоп с мертвящим языком.

А посмотришь в дождь – и там
увидишь
жесть дождя из вдов моих торчит,
и звенит в нутре своём неровном,
изменяя в пепелище вид.

-2-

Пока же я стою над бездной
из снега, поля, русской тьмы –
чьей бог – лицом нам
неизвестный –
ещё касается кормы,

пока жую свой дым, хворяя,
и пью прекрасный алкоголь –

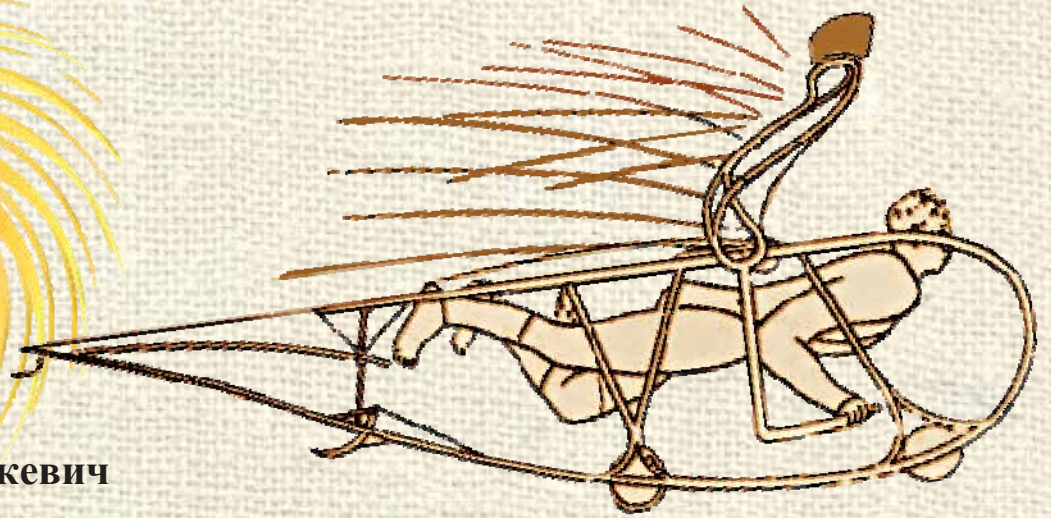
то слово в этом узнавая,
перерастая свою боль,

то, отравившись кислородом,
спешу расслышать, что во мгле
наждак, топор во всех пустотах
чиричат телу обо мне.

-3-

А дотянешься до молитвы –
начнёшь учить
этот глас синичий,
которым увечен мир.

Встретится кто, как травма,
увенчанный сам собой –
быть бы плотью тебе –
виноват – другой.

Александр Раткевич

ДООС – белозавр
Полоцк

Владимир Татлин.
ЛЕТАТЛИН

Эскиз летающей машины.
1929–1932

ТАТЛИН

И вот, на Земле – тысячи языков как наречий,
и тысячи наречий как языков.

И один не понимает речи других,
а другие не понимают речи одного.

И по сей день человек –

не научившийся разговаривать младенец,

а люди – дети малые над игрушками, не умеющие их поделить.

ОНИ же радуются этому, ибо это их конёк,
доставляющий им власть над живущими.

Но двинувшись с востока на запад и с запада на восток,
люди заговорили движущейся речью.

И сказали друг другу: выплавим тьму-тьмушую стали,
наварим стекла без счёта и соединим их единой речью.

И была радость на Земле оттого, что решили
возвести башню в четыреста метров,

башню из спиралей, куба, пирамиды, цилиндра и полусферы.

И чтобы всё это вращалось невидимо глазу человеческому.

И чтобы всё это было в новом городе,
говорящем на одном языке.

Но не дремлют ОНИ и их всевидящее око.

И, собравшись вместе в своих глубинах, решили ОНИ:
надо выйти к этим людям и посмотреть на их новый город
и на эту башню – до небес ли она или наоборот.

Если наоборот, то её нужно разрушить,
пока люди не начали её воздвигать.

Если же воздвигнут, то заговорят единой речью.

И тогда не отстанут они от того, что задумали,
ибо вначале у них был замысел.

И вышли ОНИ. И предложили имя городу – Вавилон,
как и тысячи лет до этого.

И нашлись люди, склонившиеся к заманчивому предложению,
так как возомнили, что тоже будут властвовать на Земле,
и их тоже впустят в вечные глубины.

И вот, ждёт своего часа, дня и года
антивавилонская башня Татлина.

Владимир Татлин
«Эскиз маскарадного костюма»
(картон, гуашь, темпера, карандаш),
1912 г.

Государственная
Третьяковская галерея

Специально для ПО

Наталья Лунёва

Внутри «Стеклянных башен» Алексея Парщикова

Специально для ПО

Перед нами одно из необычных стихотворений поэта Алексея Парщикова – «Стеклянные башни».

Рассмотрение данного произведения невозможно без попытки понять, чем же являются эти стеклянные башни, идущие «по улице в беспорядке», а потом поднимающиеся «к хлопковой белой горе» и валящиеся вниз.

Поэт и литературный критик Александр Уланов в своей статье «Интуиции противоречий» предположил, что их «можно понимать как взаимоотношения с другими, на которые человек настраивается, бережет их — и в которых он одновременно оказывается замкнут». Но такая интерпретация подходит лишь для начала стихотворения, где говорится, что башни похожи «на связанные баранки», они же являются и «сквозными пчёлами избегающими себя», и далее непосредственно дважды употребляется слово «контакты»; и, конечно же, «оборона», как одна из наиболее ярких сторон взаимоотношений людей. Всё это хорошо вписывается в данную трактовку.

Но нам образ стеклянной башни представляется восприятием и пониманием человеком мира, мира, который непосредственно связан и с другими стеклянными башнями (восприятиями и пониманиями другими этого мира). С другой стороны, стеклянную башню можно трактовать и как оболочку, отделяющую внутренний мир, от внешнего.

Рассмотрим стихотворение более детально.

В первых трёх строфах башни представлены в их повседневности. Они сравниваются со «связанными баранками, подвешенными к пустоте», со «сквозными пчёлами, избегающими себя», но хоть они и избегают себя – «если что оборона» – «обманутые прятки» – никуда не деться от восприятия этого мира.

В четвёртой строфе описывается внешний вид башен. Примечательно то, что они с «пустыми термометрами на верхушке» – конечно, термометры должны быть пустыми, ведь башни подвешены к пустоте.

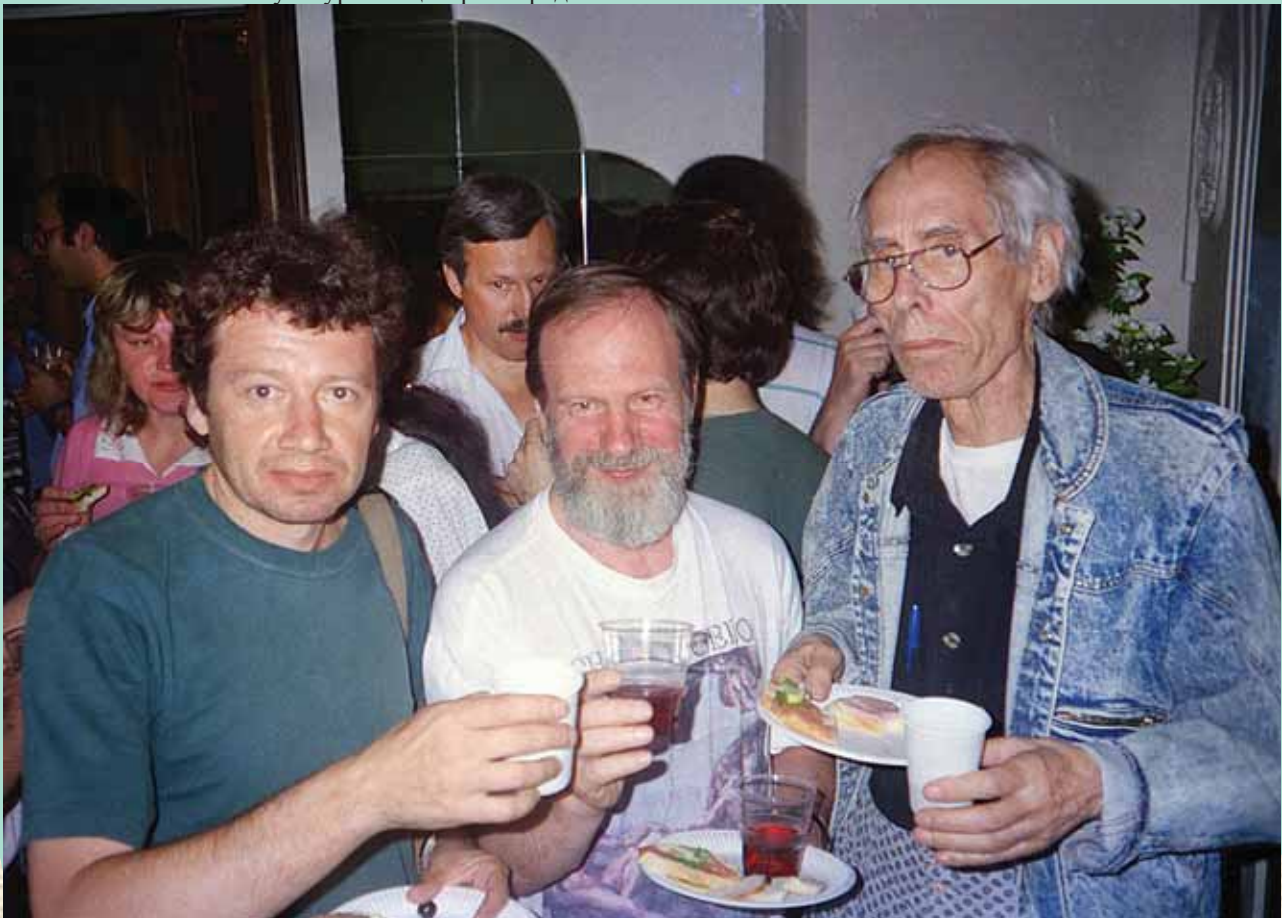
В следующих двух строфах говорится непосредственно о стеклянной башне лирического героя. Оказывается, «едет она в метро погромыхивая всегда с тобой и слегка розоватая». Интересно получается – у всех башни прозрачные, а у героя стихотворения «слегка розоватая» – воспринимается как намёк на особое, отличное от других, романтическое видение им мира. Неслучайно это словосочетание повторяется дважды, окольцовывая строфу.

Далее идёт разговор о башнях спустя века, которые «шли... к хлопковой белой горе» и «там ягненок стоял копытца скрестя». Образ покорного ягнёнка на горе воспринимается как аллюзия на библейские сюжеты (Голгофа, жертвоприношение Исаака).

А строки:

«они поднимались в гору перфорация мира

Слева направо: Алексей Парщиков, Константин Кедров, Игорь Холин в клубе «Классики XXI века» Чеховского культурного центра. Середина 90-х. Фото Елены Соловьёвой.

ЗВУЧНАЯ БАШЕНКА

(Металогогрифно-грифограммно-
метаграммная композиция)

Му
муза –
музыка,
муар языка.
Море звуков
меряет закат.
Мирок зорок.
Миф – рот.
Риф – нот.
рифмы – носит.
Гриф мыслей, нос мистики
кормят сплины с мостика
крамольным током.
Карма льнёт мотыльком
к року, молниями тискает.
Время линии меняет легко.
В раме луна – мутиг окно.
Рад – оку
лад – тку
глядь – встёрку.
Глагол в ладьс – свете зрит башенку...

■ – металогорифный метод построения (авторское изобретение).

Форма металогорифа представляет собой текст, не менее трёх строк, где каждая строка, кроме первой, включает в себя буквы предыдущей, в том же порядке, но при этом в неё произвольно добавляются новые буквы, образующие в сочетании с прежними новые слова.

■ – грифограммный метод построения (авторское изобретение).

Форма грифограммы представляет собой текст, где в каждой строке используется одна и та же комбинация букв. В данном стихотворении в первой грифограмме использована комбинация из букв М, Р, З, К; а во второй – Р, М, Л, Н, М, Т, К.

■ – метаграммный метод построения.

Метаграмма предполагает последовательную смену по одной букве в цепочке слов.

Жирный шрифт – обязательные повторяющиеся буквы.

и в том же темпе валились вниз
жаль ты сластена и притвора
спала в одной из башен и никто не спас» –
вообще создают ощущение Апокалипсиса.

Герой стихотворения убеждён, что «главное не умереть в стеклянной башне» (не оказаться отрезанным от внешнего мира?), чтобы увидеть «парящего овна» – воскресшего Христа? высшую Истину?..), знает способы побега из башни – «по магнитной волне вдохновляя воздух вокруг свистом уст» (вероятно, с помощью творчества).

Осколки разбитых башен «противоположны морю» и лирическому герою «как святыне его возгонки».

Возгонка (или сублимация) – переход вещества из твёрдого состояния сразу в газообразное. Но поскольку море имеет жидкое состояние, его возгонка будет мгновенным переходом уже в четвертое состояние вещества – плазму (состояние вещества звёзд!).

Прозрачные невидимые осколки нужно запереть в чёрной комнате и кнутом «их дрессировать как молитвами Хома Брут» (главный герой «Вия»). Следовательно, осколки имеют демоническую природу. Но дрессировка и звон освобождают их, и осколки покрывают райские кущи.

Алексей Парщиков нередко в творчестве обращается к теме смерти. И в данном стихотворении эта тема раскрывается как, своего рода, победа героя над смертью – ведь он знает, как убежать из стеклянной башни, чтобы увидеть парящего овна.

Отсутствие знаков препинания в тексте создают картину вневременья, как будто всё происходит в трансе – естественно воспринимается описание настоящего и будущего в прошедшем времени: «шли по улицам», «века спустя шли стеклянные башни».

В стихотворении ощущается двухчастность. Первая часть строится в форме верлибра, слегка зарифмованного. Во второй части, когда речь идёт о башнях, которые уже века спустя, текст структурируется в катрены с перекрёстной рифмовкой. На общем фоне выделяются два катрена с диссонансными рифмами (МИра-притвОра, внИз-спАс, нЕт-БрУт, кЛЮч-грАч) – видимо, так автор выделил катрены, в которых говорится о тёмной стороне башен.

Для творчества Алексея Парщикова характерен метафоризм. И в рассматриваемом стихотворении инсайдаут (описание выворачивания) присутствует: осколки, находящиеся в чёрной комнате, каким-то волшебным образом оказываются в райских кущах, а сам герой, убежавший из стеклянной башни, вероятно, стал космосом. Почему-то возникла ассоциация с дантовской «Божественной комедией». Но если герой Данте после последнего круга ада попадает в чистилище, то герой Алексея Парщикова (точнее говоря, осколки его башни), как возгонка, оказывается сразу в раю. (Любопытное совпадение – в последнем круге ада Данте находился Брут, хоть и не Хома).

У Константина Кедрова:

«Человек – это изнанка неба.

Небо – это изнанка человека.»

А у Алексея Парщикова в рассматриваемом стихотворении, без сомнения, изнанка неба – это то, что находится внутри стеклянной башни – внутренний мир человека.

Игорь Балюк

ДООС – украинозавр

ласточки

ласточки
каркали
каркали
каркали
мимо проследовал бурый медведь
нёс два альбома с почтовыми
марками
и кое-какую ушастую снедь

путь его был
ни далёким
ни близким
шел он в Союз филателистов

2018

МОЛОКО

люди бросаются в объятия
объятия бросаются в людей
однажды на кровати я
затем я был под ней
а тем я был под ней
немало долгих дней
который был под ней
не мало долгих дней
вот так и повстречались
и лёжа на боку
мы над собой поднялись
прилипли к потолку
и не пошевельнуться
опасно
высоко
над нами все смеются
под нами все смеются
лишь белый кот из блюдца
лакает молоко

2018

Федя Монахов

Братск

Радужная башня

Специально для ПО

40

Башню построила Галина Мальцева

Валерий Силиванов

анаграммы

*

Я мечтал. Мою башню кренило.
Кошмарно блюю, и меня лечат.

*

Строили башни
и страшно били.

слоговой палиндром:

Гнём лямку на пашнях.
Бананы крадём.
Ведём краны на башнях.
– Панамку лягнём?

Александр

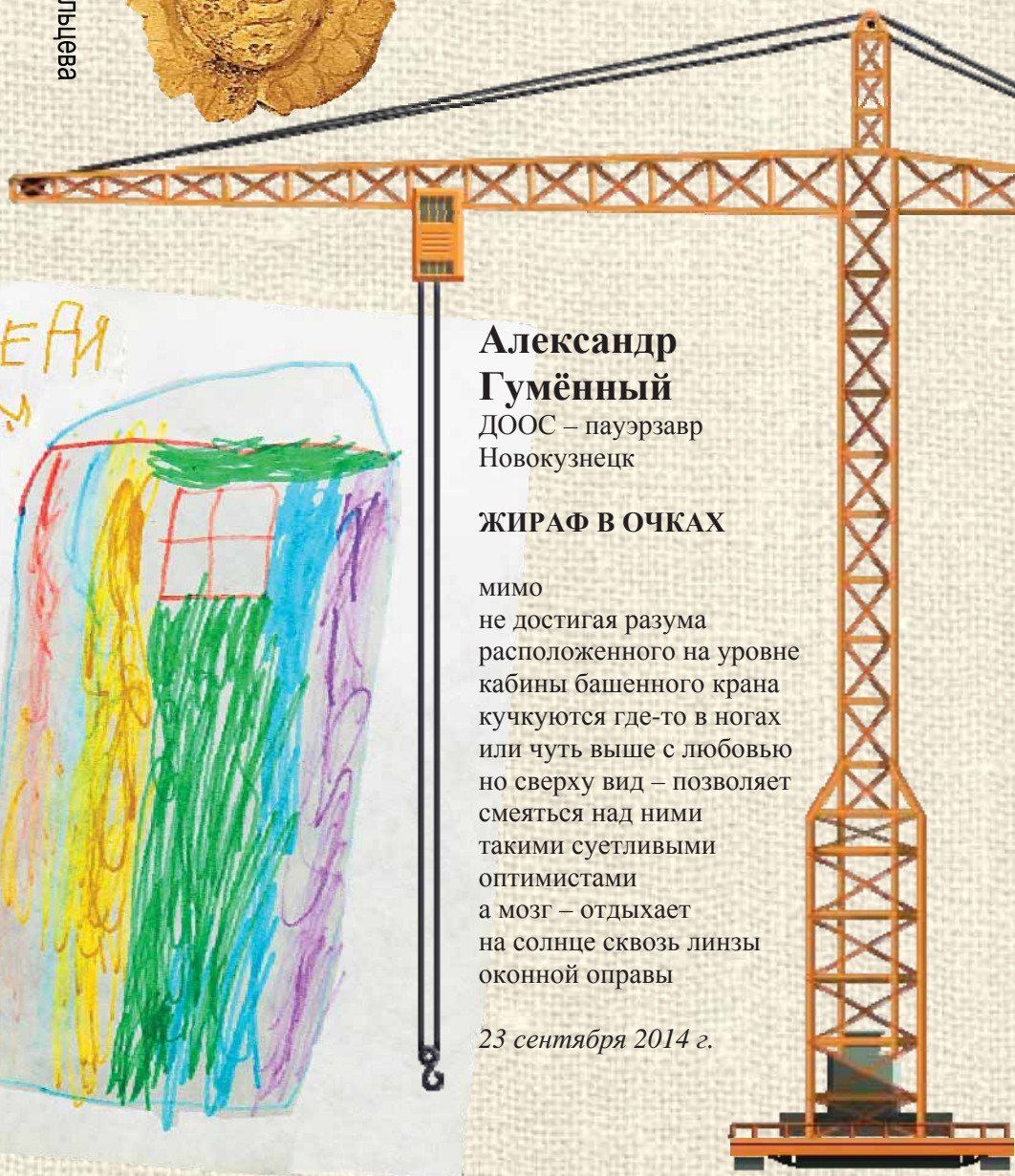
Гумённый

ДООС – пауэрзавр
Новокузнецк

ЖИРАФ В ОЧКАХ

мимо
не достигая разума
расположенного на уровне
кабины башенного крана
кучкуются где-то в ногах
или чуть выше с любовью
но сверху вид – позволяет
смеяться над ними
такими суетливыми
оптимистами
а мозг – отдыхает
на солнце сквозь линзы
оконной оправы

23 сентября 2014 г.

Николай Ерёмин

ДООС – никозавр
Красноярск

«МАМА, Я ТАТЛИНА ЛЮБЛЮ!»

Реконструкция
псевдонародных частушек

Ползла Улитка по спиральям
Добра и зла –
Часы в часах...
Сама в себе –
Деталь к деталям:
И вдруг застыла в облаках,
Чтоб Башней Татлина –
Умы –
Её навек назвали мы...
И над просторами земли
Пропели Музы о любви:

1.

– Мама, я Татлина люблю –
Новенькой копеечкой к рублю!
Будем жить мы с Вовой в башне,
Зашибать большие башли...
Вот за это я его люблю!

2.

– Мама, я Пунина люблю!
В башню – за Пуниным пойду...
Он – сторонник модернизма
И певец конструктивизма...
И за это я его люблю!

3.

– Мама, я Эйфеля люблю!
Мама, за Эйфеля пойду...
Эйфель башню мне построил,
На Париж меня настроил –
Вот за это я его люблю!

4.

– Мама,
Мне счастье в жизни дал
Третий Интернационал:
Я обута и одета,
И люблю его за это!
Он теперь –
Мой высший идеал!

Июль 2018 г.

Поздравляем!

В этом году поэту
Николаю Ерёмину
исполнилось 75 лет.

Сам себе говорю:
– Вот – дверь в Рай!
Вот – дверь в Ад, –
говорю, – выбирай! –

Но опять,
Выбирая,
Молчу.
Ни туда, ни туда –
Не хочу!

2018

Здравствуй,
Времени и пространства
Интернет, –
Тридцать девятое царство
Виртуальной свободы моей,
Идеальных подруг
и друзей...

Тридцать пятое государство –
Что Поэту и Музе милей?
Мы с тобою сошлись
неспроста...
Ты – и память моя, и мечта:

Бомонд
Степанова, Попова,
Ерёмина и Русакова,
Кацюбы, Кедрова...

Свят свет –
На весь
Бессмертный Интернет!

2018

Башню выстроили матрешки Екатерины Калининной (Красноярск)

Александр Вепрѳв

Сочи

О ПОТЕРЯННЫХ МЫСЛЯХ...

или несколько звуков о футуризме

ЭССЕ

Здравствуйте!

Что может быть проще простого сказать то, о чем думаешь!

И, самое главное, то, о чем думаешь почти каждый день. Или через день.

Или хотя бы раз в неделю... Но нет! Сказать об этом, о чем думаешь, всегда трудно.

Точнее сложно. Потому что надо открывать рот, произносить слова... А чтобы произнести хотя бы два слова – необходимо напрягать мозги. Да! Сложно. И именно по той причине то, о чем думаешь – носится в твоём мозгу долгое время, причем, как-то само собою и как бы без слов, - и стало уже сокровенным для тебя настолько, что практически не высказать и не рассказать. Хотя, о сокровенности того, что стало для тебя сокровенным: это, возможно, только кажущаяся сокровенность. Или кажется тебе, что это сокровенное. Так лучше! И, вроде бы, только начнешь открывать рот и подбирать слова, чтобы донести свое сокровенное, то это самое-самое начнет терять всяческий смысл и для тебя, и для того субъекта, которому ты хотел донести то, о чем думал много времени... Даже не потеряет! Я ошибся! Просто это будет для него пустой звук. Точнее – звуки. Мы разговариваем звуками. И редко мыслями... Значит, мысли сами по себе, звуки – сами по себе. Слова, точнее язык, не тот, который во рту, хотя речь произносится ртом, тоже сам по себе!

И мы тоже...

Очень редко кто сумеет соединить эти вещи в одно целое. Многие пытаются!

У кого-то получается лучше, у кого-то не очень. Но все эти попытки пока только – попытки... Потому что основная масса людей, которая населяет земной шар, весьма необразованна в этой области, точнее искусстве! В начале была мысль!

Люди передавали ее звуками. Потом появилась речь...

Появилось слово.

Конечно, это в порядке отступления... Ведь ни я, ни (тем более!) ты, дорогой мой читатель, еще не знаешь, что хочу я рассказать. Точнее, не знаешь, что будет впереди!

А впереди тебя ждут раздумья или потерянные мысли, которые ты, по случаю или просто так, оставил в воздухе... И которые, как ты уже сумел догадаться! – я взял каким-то непонятным образом, чтобы вернуть обратно!

– Так возьми же их! Возьми скорее!

Может быть, их-то и не хватает тебе сегодня! Ты чувствуешь, что что-то потерял, оставил где-то... Даже переживаешь порой. Ищешь, но не можешь найти, потому что не знаешь, что искать. И не знаешь, что оставил, и где оставил... (Пойди туда, не знаю куда. Найди то, не знаю что...)

И совсем не приходит тебе в голову то, что оставил и забыл свои мысли, которые я сейчас попытаюсь вернуть!

Возьми их и будь счастлив! (Как правильно написать: Будьте или Будде?)

И вроде совсем не сумбурно получилось. Даже очень и очень понятно! И я по ходу процесса чтения и передавания потерянных мыслей – поделился своими мыслями.

Каково? И если ты скажешь, что мои мысли хуже твоих, – то ты глубоко заблуждаешься!

Прости, но твои потерянные мысли были хуже... чем ты о них сейчас подумал и вернул в свой мозг. Хуже не потому, что от слова «Хуже», а хуже от слова «Неопределенно».

И если я уже коснулся новой своей мысли, то остановлюсь с ней перед тобою на некоторое неопределенное время.

Мысли не бывают ни плохими, ни хорошими. Не бывают ни лучше, ни хуже. Мысли, как дети, – беззащитны. Их можно принимать такими, какими ты их увидел или услышал, и можно не принимать! И, конечно же, не все мысли нужно претворять! Или. Можно их принимать такими, какими ты их увидел, но не все мысли надо претворять в жизнь... Не все мысли надо озвучивать и доносить до выбранного тобой субъекта или масс субъектов! Как это часто случалось в истории человечества. Вспомни прошлый век! (Ленин, Гитлер).

Еще пример!

Пример:

Я принял и увидел мысль № 6.

Мысль № 6, (Из дела № 123).

Корбутка склонилась над желтой сурконкой и пролила на толнтку вродто сиглутную двеску...

Что это может означать? На каком языке? Да ни на каком! Я выразился набором придуманных мною слов-звуков!

А что это может означать? Вполне это может означать, что Игнатов (есть такой тип!) проснулся рано. Он проснулся от звуков, которые издавала спящая рядом кошка. Кошку звали «Мурка». Мурка спала и по-своему, по-кошачьи, храпела. Или. Мурка спала с храпом. Храпела она по-кошачьи!

Хр...мя, хр... мяу... Хыр мя.. Мяу хыр.

Мяу, мяу... Дыр булл щил!

Игнатов надел тапки, и пошел туда, куда тебе с ним идти не следует. Он пошел по своему важному делу, чтобы опустошить свой мочевого пузырь. Далее в ванной Игнатов принял душ, почистил зубы...

Ты будешь прав, если скажешь, что этот мой пример, который я привел, что бы ты понял мою мысль – дребедень!

Но я уже сказал, что не все мысли нужно претворять в жизнь. Причем сразу.

Завтра утром ты воплотишь эту мысль полностью... Но кроме этой мысли появились множество других мыслей!

30-метровая смотровая башня в романском стиле сооружена в 1936 г. на вершине горы Ахун на территории города Сочи.

Например, про кошку. Про ее храп... Смотри, как Муркин храп может перетекать в русскую поэзию начала прошлого века! Или...

Я, кажется, отвлекся.

Ведь, как и всякая другая мысль, которая возникла в это время в твоём мозгу, не имеет ничего общего с языком!

– Причём тут язык? – Скажешь ты.

А раз так, то, полагаясь на собственный опыт, это не назовёшь даже шуткой, которую я могу отпустить в любое время... когда речь идет о звуках, словах и потерянных мыслях!

Честно говоря, воплощать мысль не обязательно, можно пытаться воплотить мечту! Потому что мечта, вероятнее всего, – это воплощение всего того, о чем я с тобой говорил выше... Вообще, воплощать мысль тоже не обязательно, ибо мысль порою ничтожна и, как уже ты успел убедиться на примере Игнатова, – не всегда понятна и приятна для читателя...

Хотя мозги твои уже напряглись и интуитивно что-то себе намотали. И подсознательно мысль эта, возможно и две, а то и три! остались в твоей черепной коробке.

Дорогой мой читатель, я бы продолжил дальше свое непонятное, но доходчивое повествование, но боюсь, что в данном месте это будет уже слишком! Потому что все написанное может разом рухнуть и превратиться в путанный хаос мыслей... Что мне не очень хотелось бы. Потому что речь идет о потерянных мыслях, которые теперь останутся всегда с тобой. Два раза терять одну и ту же вещь как-то очень поверхностно и необдуманно... Хотя бывает! Но если случится такое, то вернись к моему тексту и заполучи потерянные мысли обратно.

Да, мы общаемся звуками, словами...

Когда же мы будем общаться мыслями?

Так вот, мы уже ими и общаемся!

И все, что ты прочитал – это еще та часть невидимых мыслей, которая останется в твоей черепной коробке!

А раз так, то все сказанное и написанное мной – пустой звук и пустой текст!.. Главное – мысли, которые летают в воздухе, как осенние потерянные листья...

Как стихотворение «LUFITKA»:

... Оскынтская вольница трюма,
пришедшая с севера – жить,
с натугой таскает угрюму
да фелифионскую тить...

Когда б не резонная филка,
хреновая к ней куробя,
тогда бы – я знаю – Lufitka
не стала бы жить под себя!

О!

О стабластики, о горностаи!

О голостанные огурстаканы!

Летят стаканы и огурцы,

дутят в бутылки о молодцы!

О заводские о корпуса,

дымит завод о в небеса!

В зубах цыгарки о гы-гы-ки...

И ходят поршнями о кадьки.

СЧИТАЛОЧКА

Тоскуанц – анц, дасист вас – найнц.
Их блин сдох – канцлер Ох!
Стал дугой – другой. Как нанайц...
Или Альфред Кох.

Валерий Байдин

Кан, Нормандия

ТВОРЕБЕН

памяти В.Х.

В затворе творческом
творится словотворен...
Творяй творитель, востворяй,
среди бестворчества,
в творильне мыслетвора
твори всетвор и жизнетвор.
Творенья створы отвори
и творева не раствори
в притворчестве,
в нетворчестве тварья.
Что нетвари понатворили...
Твари утварь истворится,
вытворится, отворится,
а нетварные твори претворятся
в неботворения Творьбога.
Творило твореванья,
твордеец творь творянских,
творящее творение – творьбожич
перетворяется
в растворе творческом
перед Творцом.

СЛОВОТВОРЧЕСТВО

усильем долгим тайным
в стих заключить и раскалить язык
разять слова и звуки вознести
над жизнью в небе испаряя
вновь уловить пылающий туман
суть новую прозреть в расплаве речи
слова отлить в изложницы иные
немея от неведомого смысла
шум услышать невнятный
и на долгий миг исчезнуть
в безумии лететь к истокам
как воздух тишину глотая
и зарыдать как будто первый раз
коснулся плоти тайной
где сердце бьётся и горит любовь
где дух творит и душу восхищает

НОЧНЫЕ СТИХИ

он долго спускался
и нёс в себе воздух горный
тишиною жили дороги
и не было города
лишь пространство улыбки
но сказала она
что гор не бывает
а он вспоминал вершины
и молчал
затаив дыханье

Ольга Лебединская

ДООС – одуванчик
Днепр

СВОБОДЫ СОЛНЕЧНОЕ СЧАСТЬЕ

**Ну её в баню, Вавилонскую башню!
Да будем безбашенными!**

А теперь сказка.

К нам с Мишей в воскресенье чуть не с самого утра пришли гости. Харизматка **Н.**, которая обожает демонстрировать пение на «иных языках». Православная Света. Когда-то мы с ней крестили совсем маленького Мишу. Иудей Павел, сосед и товарищ. Я с температурой. Миша с друзьями – дети прибегают и убегают.... А мы, взрослые, сидим и мирно беседуем. Павел не вспоминает, что сегодня Шавуот... **Н.** не талдычит абракадабру «на иных языках», как это обычно бывает. Просто открыла Библию и что-то оттуда Свете вещает. Света такого не любит, но внимательно слушает. Все мирно беседовали, хотя благодаря **П.** и вино было, и благодаря открытым окнам – сквозняк. Окна открыты, чтоб хоть иногда смотреть за детьми – у них костры...

Кушаем сырники – всё-таки Шавуот. Никто не подрался. Все сидят и улыбаются.

– И зачем вам это всё? – спрашивают меня.
– Для полноты жизни! – отвечаю.

Вот так мы разрушаем вавилонские башни, чтобы быть безбашенными и радоваться. Потому что радуются по-настоящему только безбашенные, поверьте мне на слово.

* * *

Пространство между небом и землёй...
Да это ж я, на Хортице стою.
И сквозь меня течёт из солнца мантра.
Пространство между небом и землёй!
И глубины, и высоты довольно
В звучащем теле и душе.
Я – остров,
И прямо в солнце откровения ловлю –
Живая...

5 февраля 2017

Елена Атланова

Ташкент

ТВЕРДЬ

Даже Большим шурупом Татлина
не прикрутишь землю
к поднебесью

Небо в алмазах
не просверлить

ИНСОМНИЯ

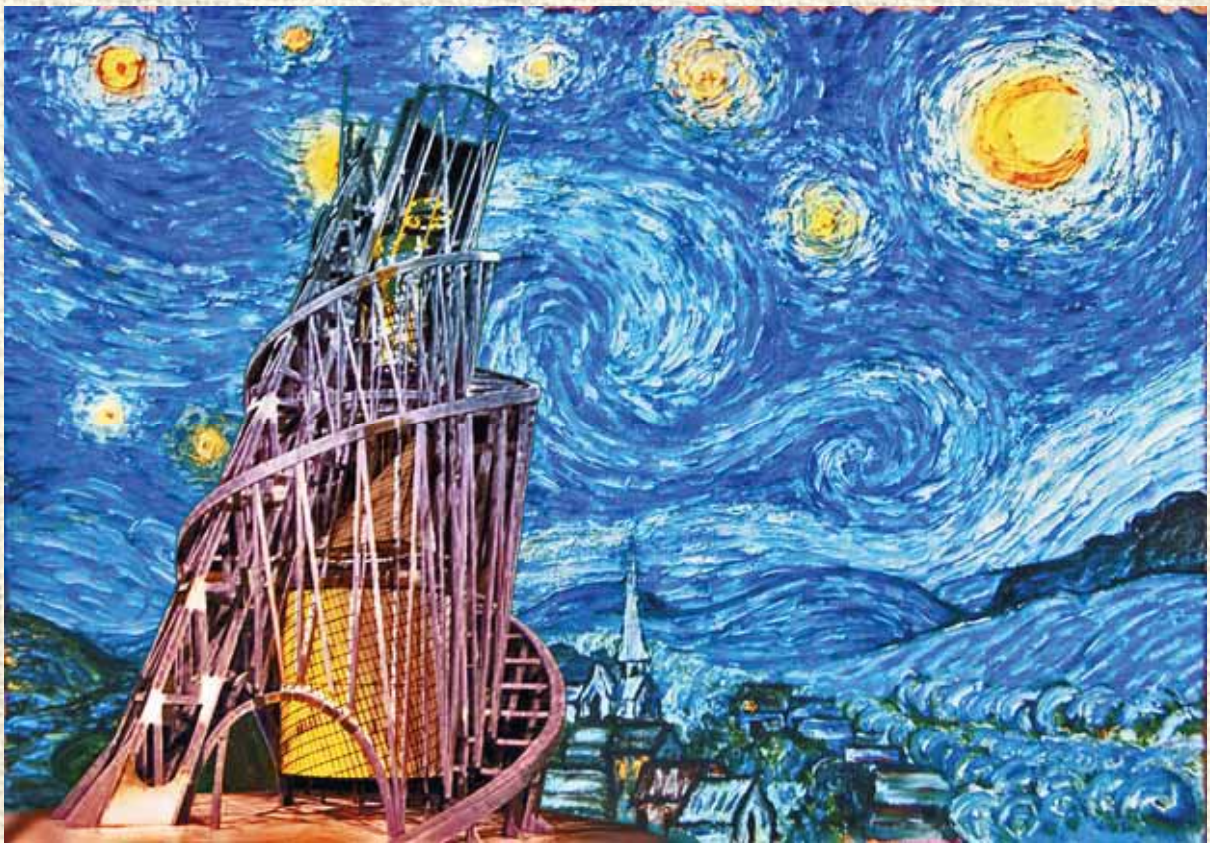
Безбашенный
кран на кухне
протекает

по капле
башню
сносит

Сардор Азизов «Капля».
Ташкент.

Специально для ПО

Построила
башню Татлина
в пейзаже Ван Гога
Елена Атанова

Марк Ляндо

Звездо-башни

*Ты видишь: я Тебя искал,
я, кто рукой себя скрывает
и, как пастух, бредет сквозь тьму
(так помоги же Ты ему!).*

Р.М.Рильке

Кто ты скажи, мне, где ты
Кто ты...?
Для чего мои заботы?
Дикаря? Жорр – гуррру-руурру!
Рёв тайги урруру-буррру...?

Остров брошенный в океане
Спиртоголь
В моем стакане?
Я ль сандалия твоя?
Ты же меньше муравья?

Или Книга, Книга, Книга
Молний мчащая квадрага
Гомозо, громозо, гро...!
В солнцевиди и грозо..!

Я же смертен, мал, конечен,
Но тобой воздушно вверчен
В звездо-башни облаков,
Высей тех молитвослов..!

...Так ли? сколько высекали
По левкасу доск писали!
Ликовали, уповали.
Но в могильну глубь сникали...
Все! Хоть ты им обещал
Упокоить в синей сени,
Взвивши в зорьные ступени...!

Или ты ни то, ни это
Тьма без дна иль бездна света?
Витражей ли, райских снов?
Берега без берегов?
Ничего и всё без меры
Сколько вер – и где те веры?...
Все уходит в небытье...

...Где они, что были, жили
В недра, в воды усквозили...
Нет тебя, и нет тебя!
Что за связка ты и я?

.....
Мошки. Мошки... комарами
Были, жили стали снами...

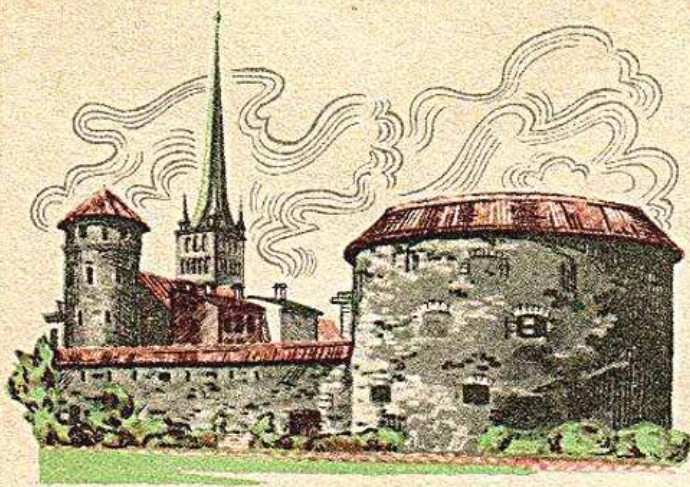
.....
Сизая полынь во поле
В ветровее, ветроволе
Ты полынь и я полынь
Горькая абсинта, сгинь!

Я и Ты и Ты и я! –
Полынь – яма, Полынья! –
Это ль нам с тобой вдвоем?

Иль океана оком..!

Даль..?

И слышу Тихослово...
Звездослово. Зореслово.
Словно компас кораблю –
Отдаленным звуком Лю..!

ТАЛЛИН. Башня „Толстая Маргарита“
TALLINN. „Paks Margareeta“

Я тогда не была толстой.
Я и сейчас не толстая, но.
Тем летом мне исполнилось восемнадцать.
А восемнадцать – это не возраст.
Это болезнь.

А звали меня и правда Маргаритой, и он говорил, что ему от моего имени сносит крышу.
Он умел говорить. Уговаривать умел, понимаешь?
Как звали его?
Но разве это имеет значение?
К тому же, он сейчас достаточно известный человек, не знаю... Не хотелось бы ворошить все заново. А вдруг ему это повредит?

Я тебе просто так рассказываю. Без имен. А еще потому – что тебе тоже восемнадцать. И ты еще красивей, чем я. Это страшно – быть молодой и красивой. Смеешься? Смейся, ангел мой. Спаси тебя небо. Смейся и слушай дальше.

Был конец августа.
Он пришел и сказал:
– Мы едем в Таллин.
– Мы?
Мы – это было не про нас.
Ведь он был женат.

– Ну да. Ты и я – равняется мы. – и он подхватил меня и закружил по комнате.
– У меня командировка. В Таллин. Ты была в Таллине?

Я не была нигде. Я приехала из маленького поселка на севере, три кола, три двора, откуда было ближе к Аляске, чем к Москве. Приехала в чужой огромный город, поступила в университет, жила на квартире, по выходным подрабатывала санитаркой в больнице.
У меня было три платья и две пары обуви – на лето и на зиму, и я не была толстая, потому что не всегда кушала досыта.

Но я была красива и мне было восемнадцать, и он меня выхватил из толпы и...

Лада Миллер
Монреаль

Куда _____
Про Башню, Маргариту
и тридцать три несчастья

Кому _____

У тебя же нет еще мальчика, правда? Я знаю, что нет. Ты обещала мне рассказать, когда появится первый. Так вот. Он был моим первым.

Был конец августа, и Таллин был прекрасен. Его башни сводили с ума своей незаконченностью. Не знаю, смогу ли тебе это объяснить. Архитектурный гений всегда нарушает симметрию. Как Бог. Ведь все, что симметрично – искусственно. В отличие от божественного.

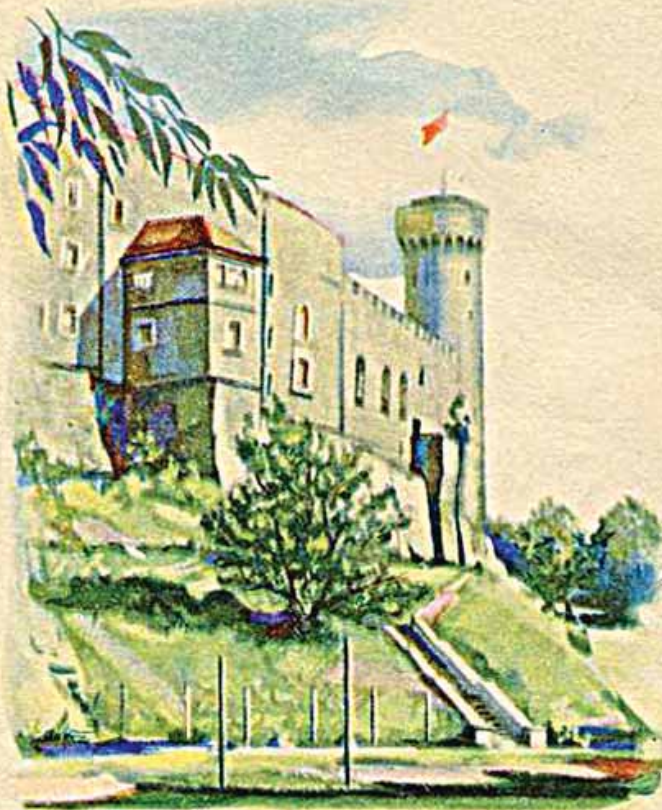
В первый день он повел меня смотреть на Толстую Маргариту и Длинного Германа.

Там была еще история. Про влюбленных, которые превратились в каменные башни, потому что разрешили себе быть вместе, несмотря на запрет.

– Ты моя Маргарита – сказал он и поцеловал меня в затылок.
– Нет – покачала я головой. – Я не толстая.
– Ты не толстая. Ты прекрасная – засмеялся он. Мне стало грустно, и я заплакала.
– О чем ты плачешь, птенец? – удивился он.

– О нас – ответила я всхлипывая.
– Не стоит – вздохнул он.
– Почему?
– Потому что мы с тобой – две башни. Мы охраняем друг друга.
– От чего? От кого?
– От счастья.
– Зачем?

– Наше счастье невозможно пережить.
– Значит, лучше быть несчастным?
– Почему же несчастным? – посмотрел он на меня строго. – Разве ты несчастна со мной?

Эстонская ССР, г. Таллин. Башня «Длинный Германн»
Eesti NSV, Tallinn. Pika Hermann's torn.

Смертельное и как ток.

Главное – выбрать то, что подходит тебе.

Куда – А как узнать, что подходит мне?

– Пробовать и искать. Спаси тебя небо.

Дочка уходит по своим юным делам, а я иду в кабинет, где компьютер гудит от нетерпения и подмигивает мне скайпом.

– Привет! Что так долго?

– Говорила с дочкой.

– Про что?

Кому – Про тебя. Про нас с тобой. Помнишь Таллин? Толстую Маргариту? Тридцать три несчастья – помнишь?

– Еще бы. И что?

– Ничего. Рассказала ей почти все, в надежде на то, что она не повторит моей ошибки.

– Ошибки. Интересно. И что ты называешь ошибкой?

– Не то, о чем ты подумал.

– А что же?

– Теперь уже неважно. Теперь, когда все наши несчастья так надежно заперты. Жалко, что в разных башнях. Хотя... пожалуй, именно поэтому, можно и рассказать.

– Ну?

– Ошибка моя в том, что я до сих пор не рассказала тебе, что она – твоя дочь.

И я выключаю скайп.

– Почему так долго?

– С мамой болтали.

– О чем?

– О нас с тобой.

– Что? Ты – что? Рассказала ей о нас?

– А что ты так испугался?

– Я не испугался. Вот еще. Но ты же не рассказала?

– Нет. Слушай...

– Да?

– Давай поедem в Таллин.

– В Таллин? Но зачем? И потом я не могу. Жена ложится в больницу.

– А что случилось?

– Да ничего не случилось – обычные косметические процедуры.

– А-а-а. Понятно. Жалко.

– Жалко. Ничего не поделаешь. Но что тебе в Таллине?

– Там есть одна башня...

– И что в ней?

– В ней тридцать три несчастья. И немного счастья, которое не пережить. Может, все-таки поедem?

Он молчит так долго, что башни сначала протягивают друг к другу руки, а потом начинают оседать и рушиться.

Толстая Маргарита и Длинный Герман.

Впрочем, имена могут быть любыми.

– Нет. Нет. – и я спрятала лицо у него на груди. Там стучало сердце.

– Вот и я об этом. Все несчастья спрятаны.

– В наших башнях?

– Может быть. Даже наверняка. Умница ты моя.

– А их много?

– Всего тридцать три. Не бойся.

Я же уже объясняла – он умел говорить. Уговаривать.

Дочка смотрит на меня внимательно.

– И что было потом?

– Потом? – вздыхаю я. – Потом мы расстались. Очень скоро.

– Но почему?

– Каждый отправился охранять свои тридцать три несчастья.

– Вы просто не осмелились быть вместе. Застыли как башни.

– Может и не осмелились. Но тогда бы не было тебя.

Она улыбается.

– Тоже верно. Но ты же любишь папу, правда?

– Конечно! А как же иначе?

– Значит, ваши башни вместе?

– Да.

– И вы не боитесь умереть от счастья?

– Нет. Счастье – оно бывает разным. Высокого напряжения и не очень. Переменное и постоянное.

Питер Во
Лондон/Вена

GANZ*

*всё
совсем
целиком
полностью
совершенно

jetzt
ist
ein
teil
von
jetzt

alles
alles
ist ist
ein ein
teil teil
von von
allem
allem

nichts
nichts
ist ist ist
ein ein ein
teil teil teil
von von von
nichts nichts
nichts

jetzt
jetzt
jetzt jetzt
ist ist ist
ein ein ein
teil teil teil
von von von
allem allem
allem allem

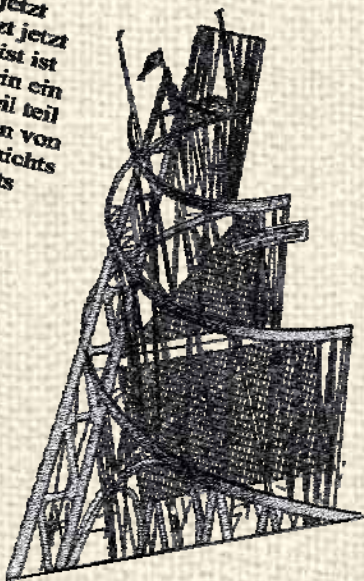
alles alles
alles alles
ist ist ist
ein ein ein
teil teil teil
von von von
nichts nichts
nichts nichts

nichts nichts
nichts nichts
ist ist ist
ein ein ein
teil teil teil
von von von
jetzt jetzt jetzt

jetzt
jetzt jetzt
ist ist ist
ein ein ein
teil teil teil
von von von
nichts nichts
nichts

alles
alles
ist ist
ein ein
teil teil
von von
jetzt
jetzt

nichts
ist
ein
teil
von
allem

Александр Бубнов
доктор филологических наук
ДООС – палиндрозавр
Москва/Курск

Шуховскую башню снимал Александр Бубнов специально для ПО.

«...я мечтал формулами: я ещё раз мысленно высчитывал, какая нужна начальная скорость, чтобы оторвать "Интеграл" от земли» (Евгений Замятин. «Мы». 1920)

«...высилась прямо из дактиля в дактиль старинная чёрная башня» (Владимир Набоков. «Облако, озеро, башня». 1937)

«...если посмотреть на башню Татлина, то её основной концепт – тот же гиперболоид, который изобрёл Шухов еще в 1896 году, когда даже понятия «конструктивизм» не существовало!» (Сергей Арсеньев, заместитель президента фонда «Шуховская башня», 2013)

В условных «облаках» и «озёрах» художественных традиций несколько близорукого перед своим уходом Девятнадцатого Века его сын – Век Двадцатый – воинственный да ранний – разглядел и вычертил евклидово-неевклидовые чёткие линии и формы путей, вознесущие – всех разом и по отдельности – всем миром и частями – прямо и ввысь – к счастью... Один из символов этого – Башня Татлина, посвящённая III Интернационалу...

И, как вы уже поняли, все три слова заголовка этой статьи – рифмы – всё укорачивающиеся и укорачивающиеся, согласно убыстрения времени... Рифма по своей изначальной идее – уже игра, вспомните рудимент прошлых веков – буриме!.. Четвёртым словом в этом пресекающемся столбце мог бы стать – или подразумеваться – союз «И», или междометие «И», точнее – то самое – латинское – «i», которое венчает, как осколок короны, футуристический железобетонный «бесбашенный» полёт Василия Каменского на аэроплане, читающий снизу вверх и конгениальный Башне Татлина.

Башня Татлина – это Инте-грааль, но перевёрнутый, вывернутый, содержимое которого – вольно или невольно – пролилось на большевистский проект и смешалось с его кровью... Башня Владимира Татлина – если применить к ней философские идеи Константина Кедрова – это не что иное, как Инсайдаут Инте-Грааля!.. Сочетания трёх МиллениУмов Истории и Историй (формальная разница – в «птичке» над «Й»)...

Однако – по Василию Каменскому – именно точки над «И» – над русским союзом «И» – поставить невозможно, разве что, нарушив правила... Вот так и маются и литераторы, и философы, и политики, пытаясь – по правилам наук и искусств или вне оных – осмыслить Итоги проекта Союза ССР, который невозможно – а может, и не нужно – вытравить-вытравливать не только из черепов ныне здравствующих (да посмотрите на те же нефтяные вышки-башни, знаки – денежные – времени!), но и из футуристических – будущих – черепов. Это я к тому, что череп человека подобен Вселенной, как метко заметил тогда же, в эпоху Татлина, размышляя над своим черепом и в нём же, Казимир Малевич, так Интернационал – авангард – рабочий класс вывернуто срифмовался с формальными поисками русского искусства... Попутно вспомним, что само казимирово слово

«супрематизм» происходит от лат. *supremus* – наивысший!..

Теперь же, вывернув философскую просодию и отбросив пафос, приведу простой пример значения формы в жизни человека, а следовательно – и в деяниях его. Вот буквально позавчера, ближе к полуночи, прибыв экспрессом «Ласточка» (не «Стрекоза»!) из Москвы к себе на родину в Курск, я – голодный – в своей квартире обнаружил 2 пакета макарон – рожки и ракушки (тоже рифма, заметьте). Выбрал ракушки. Всегда выбираю ракушки. Почему – всё никак не пойму... Форма, знаете ли... От формы рожек я не получил бы – уже попробовал – того наслаждения в еде, которое получаю от ракушек, ощущая их форму во рту. Заметьте, здесь значение имеет только форма! Ибо содержание макарон – и рожек, и ракушек – абсолютно одинаковое.

Другой пример важности формы приведу из области другой важной потребности человека – из области эроса и секса. Когда мужчина видит женщину – вот эту конкретную женщину – и видит впервые – он – хочет того или нет – оценивает прежде всего её формы, не так ли?.. Уточняя поговорку, мы встречаем человека не только по одежде, но и по формам – пусть той же одежды, но сквозь которую представляем форму тела!.. Цитата в тему статьи: «Мода, как и архитектура, – вопрос пропорций» (Коко Шанель). Ну а дальше эта метаграмматическая «теМа тела» восходит к великому Леонардо...

Так что лично для меня не было сомнений, почему, допустим, литературный журнал под редакцией ДООСа-Зоммерзавра Татьяны Зоммер назван именно так – «Тело поэзии». Это название – почему-то – послужило предметом жарких дискуссий в 2017 году...

А тело Башни Татлина, посвящённой Интернационалу (Третьему по счёту и коммунистическому), по-авангардному прекрасно и по-философски символично. Идеи Интернационала, формально и

концептуально воплощённые в Башне, призваны были возвысить – возвестить – возвести в гармонии единства всех – пусть это и утопично, но и поэтично. Аналогично и рифмично: идея Интеграля – не где-нибудь там, в неосуществлённом космосе романа «Мы» Евгения Замятина, а... в стихосложении! Современная идея формы Интегрального стиха, которую я выдвигаю здесь и сейчас, призвана возвысить в соборе – сборе – собрании – многие формы и стратегии версификации. Версификатор (именно так!), придумывая и предполагая новые версии (строки), как детектив, ищет – желательно, не мёртвое – тело Поэзии, ищет прекрасную даму – свой идеал (романтически), либо женщину с идеальными формами (цинично)... Следовательно, в любом случае – после следственных экспериментов и даже томов следственного дела (читай – собрания сочинений) – выходит к высокому суду – читателя, критика, а в конце концов – и себя, «сукиного сына»!..

Инт-ИГРал исторически вбирает в себя некоторые знаковые цитаты: и шекспировское «все люди – актёры», и «жизнь – игра» (шекспировская дама!), и философскую концепцию «Человека Играющего» от Йозефа Хёйзинги...

Что касается современности, то философия Интегрального стиха, на мой взгляд, переключается с общей философской концепцией ДООСа... в чём?.. если образно и «интегрально», то – в тонкости и хрупкости форм крыльев и техник полёта, в их органичности и нацеленности... Быть может, в возвращении – на новом философском уровне понимания – на новом «этаже» Башни Татлина – к истокам цивилизации... Допустим, к тем же древним грекам, у которых и небо, и море, и поэзия, и астрономия были единым – интегральным – целым...

Елена Кацюба

ДЕЛЬФЫ

"Исихия" по-гречески – тишина,
"эхо" – у меня есть, "ихо" – эхо,
"охи" – нет.

...и их исихии

сухая синь.

Но в мантии пиит нам - вон

тот кипарис.

А кипарис сему - мессира пика

в небо.

Но змеем зон

вилась дорога к морю и взглядом вниз

вила залив

и

"ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш"

вилось с олив.

Нас

винами мания,

вино руин и уронив
и осушив все чаши,
зной –
вор дна ел олеандров
мякоть.
А лестниц белый шаг
до клавиш сшивал код –
лад, и камень нем, а кидал
от сухих уст – «О!»
Эхо их – о.
Эхо их!
Ихо! - Охи...
У меня есть эхо
в Дельфах:
«Дай, оракул, злу карой ад!»

Первое, что бросается в глаза – это именно «поэзия для глаза», как определил палиндром выдающийся теоретик стиха М.Л. Гаспаров. Палиндромические строки Елена Кацюба выделила в своём стихотворении полужирным шрифтом, и легко увидеть, что строго палиндромические стихи здесь гармонично переплетаются с «обычными», более того, влияют друг на друга и семантически, и фонически, образуя единую – интегральную – форму.

Любопытно сравнить рифмы палиндромных строк. В первой половине стихотворения наблюдаем своеобразный пунктирный монорим, акцентированный и даже несколько нарочитый: «залив / олив / маниз / уронив», подкреплённой рифмой других строк («кипарис / вниз»). Однако нарочитость, как видим в тексте ниже, компенсируется (интегрируется с!) совсем другой рифмотехникой на тех же палиндромах: «код / кидал / ад». В последней компактной триаде сочетаются (интегрируются!) несколько видов рифм, в том числе и диссонанс, и разноударная рифма. Такое разнообразие тут же подкрепляется синтезом палиндромии и с «обычным» стихом (диссонансная рифма «охи / эхо / Дельфах»), и с омограммой / пантограммой, когда буквенная симметрия не горизонтальная, как в палиндроме, а вертикальная – буква под буквой («Эхо их – о. / Эхо их!»). И именно образ «эха» символизирует и саму палиндромию как таковую («отражение» строки самой в себе), и саму интегральную форму, в которой строки и образы «отзываются» друг на друга... Таким образом, обратив внимание, казалось бы, всего лишь на формальные особенности, приходим к выводу о цельности и своеобразии фоносемантического «сплава» стихотворения Елены Кацюбы «Дельфы».

«Гипотезу» Интегрального стиха (Истиха) мы обсуждали ещё на открытии VII арт-лит-фестиваля «Курский Контекст» в марте 2017 года в «Школе-студии стиха» Курской областной библиотеки имени Н.Н. Асеева (кстати, туриста в юности, как и В.В. Маяковский), сам же фестиваль был посвящён 100-летию революционных событий

1917 года, что тоже важно для концепции этой статьи... Руководитель студии поэт Анатолий Афанасьев, которому я посвятил несколько своих осознанно интегральных стихотворений, нашёл ещё такой дополнительный нюанс в интегральности стиха: «Множество маленьких дисгармоний на протяжении стихотворного текста могут образовать гармонию к концу стихотворения». Да, вот из таких парадоксов тоже состоит Интегральный стих. И, как говорилось в комедии Леонида Гайдая: «Тот, кто нам мешаает, тот нам поможет». Нам часто мешают назвать верлибр верлибром, например, те же рифмы... Вот и выдумываются термины типа «верлибр с окказиональной рифмой». Возможно, и Интегральный стих как термин помешает кому-то... Однако мне он только помогает в определении стихотворений с комплексным и свободным (то есть – не строго циклическим) применением любых формальных и смысловых «красок» и их сочетаний.

Александр В. Бубнов, Курск / Москва.

ИНТЕГРАЛЬНЫЕ СТИХИ
Анатолию Афанасьеву
и Олегу Качмарскому

...раз!-
деляем и властвуем,
рифмуем
и полурифмуем,
дифференцируем
и пируем,
целое поцелуем
(в ответе)?..
и кстати,

интеграл – целая величина,
рассматриваемая как сумма
своих безконечно малых...
частиц.

таким образом,
вся вселенная,
пульсируя в тактах,
вывернется-извернется,
но станет-останется
целой –
вот так-то!..

так что
верь ли, не верь
(верлибру),
тонь-не тонь честно
(в такте тоническом),

всё равно не постигнешь
всё,

ибо
все
игральные карты строк

тасуют смыслы и формы –
формыслимые лишь

в интеграле –
в этой форме ладони,
державшей
переплетение линий...

по этим линиям,
и по линиям алых губ,
(пьющих слезу из медных труб,
что лежали в пыли),
по рядам, которым теперь возвещаем
взор мы,
до самой галёрки вдали, –
где ПО-
читатель притих, –

время
собирать
формы!..

в интегральный стих.

24.02.2017
(здесь печатается в сокращении)

Другой курский автор – писатель и журналист Олег Качмарский – прислал мне именно 24 февраля 2017 года трёхчастное сочинение на стыке рецензии и эссе под названием «Интегральный Бубнов» и после расспросов признался, что определяет свою форму как «интегральное эссе!» То есть терминологическое «завоевание» Интегралом литературных и журналистских сфер происходит с разных сторон и независимо друг от друга. Возможно, это и есть, по А.С. Пушкину, «...и случай – Бог-изобретатель» (читай – Интеграл?). И тут же – по принципам Интегрального стиха, да и журналистики тоже – выслушаем и другую сторону – сторону... жителей Лузитании!

Наш бог – Лебег,
Кумир – интеграл.
Рамки жизни сузим,
Так приказал нам
Наш командор Лузин.

Это подражание акцентному стиху Владимира Маяковского – фрагмент шуточного «Гимна Лузитании», сочинённого участниками математической школы Н.Н. Лузина (1920-1930 гг., СССР; см. также «Интеграл Римана» и «Интеграл Лебега» – математические понятия). Игра заключается ещё и в том, что Лузитания – древнеримская провинция, а «Лузитания» – это британский трансатлантический пассажирский корабль, затонувший в мае 1915 года... А по поводу Маяковского... перечитайте его раннее «Утро» (1912) – не в нём ли зарождалось, но так и не была реализована интегральность, Интегральный стих?..

Акцентный стих, да и тонический стих вообще, впрочем, как и верлибр, интонационно близки Интегральному стиху, и это очень любопытно в том плане, что первые два обычно строго

рифмованы и очень заразительны для подражания (в русской поэзии достаточно вспомнить только два имени – Владимир Маяковский и Иосиф Бродский). А вот избежать этой подражательной «попсовости» как раз поможет Интегральный стих, который не снисходит до автора в готовом шаблоне, но приглашает автора, надеюсь, к новым поискам, экспериментам, нестандартным ходам, возвышениям...

Конечно, большинство авторов, перефразируя Булата Окуджаву, «пишут, как дышат», но и «не ведают, что творят» ямбы или хорей, анапесты или дольники, свободные или «несвободные» стихи, в конце концов, прозу или поэзию... Находясь – интегрально – как бы между ними... Или собирая их свойства в авторской интонации... А уже дело филологов – осмысливать формы рационально...

Ирина Отдельнова, Курск.

* * *

Помните запах старых парт?
Помню, пахло чернилами, книжками
и надкусанными,
уже слегка заветренными,
яблоками.
А посередине парты
было отверстие для чернильницы.
Но чернильный пузырёк стоял на подоконнике,
и Ольга Николаевна,
наша учительница,
всегда набирала всем в ручки
фиолетовые чернила.
И была скамейка – одна на двоих!
– как качели.
Кажется, если бы мне показали
мою первую парту,
я прижалась бы к ней щекой.

(2012)

Через всё стихотворение ненавязчиво – пунктиром – проходят едва заметные обыденному глазу и уху рифмы: «книжками / чернильницы / учительница / (и снова) чернила / качели / показали». К этому кластеру рифм примыкает другой: «яблоками / подоконнике / Николаевна»... В целом, автор балансирует между рифмой и не-рифмой, собирая звук интегрально... Всё это вкупе с общей мягкой ностальгической интонацией создаёт непередаваемую поэтическую атмосферу, причём, автор практически не пользуется тропами...

Итак, Интегральный стих объединяет (чередует, с разной степенью успеха / неуспеха) общую регулярность / нерегулярность компонентов форм (цикличность / нецикличность), длинные и короткие строки, звукопись / пренебрежение звуком, разную степень метризации / ритмизации, рифмы / безрифмие, акцент на тропах и фигурах речи / игнорирование оных, буквологику и комбинаторику / пренебрежение оными, нарратив / бессюжетность, при общем допуске интонационных «колебаний», лишь бы всё это было органично в контексте целей и задач отдельно взятого текста. Степень баланса между компонентами форм, как и весь вышперечисленный «набор» автор может использовать вполне интуитивно – ведь много примеров, когда природный дар позволяет поэту точно соблюдать форму, при неумении ориентироваться даже в классических стихотворных размерах (хотя их изучение входит в школьную программу). Снова перефразируя Булата Окуджаву, «вы пишете, вы пишете, вам зачтётся...», а уж «удалось / не удалось» – это предоставим критикам, филологам, философам...

18 августа 2018 года,
Курск.

Александр Савостьянов

Клинцы

От футур!
(PY64NC7NЧH03)

PNC47Ь C7NXN ЛЗГK0 H3 K4Ж90МУ 94H0,
K4K, 8ПPOЧ3M, ПN7Ь 34ПO3M 809KY N 8NH0.
N 94Ж3 633 34ПNHKN ПPOЧN747Ь 807 Э7O,
Y8Ы, H3 K4Ж90МУ ПNN7Y CYЖ93H0!

Магия розы

*«О любви вздыхают лишь украдкой...
Сергей Есенин»*

.....**
.....* **Впотьмах –***
.....* **.. загадочный..***
...* **...платочек,.....***
..**Желанье тайное.***
..**..в ночи. В шипах..*.....*.....***
*..**припрятанный.....*..*цветочек,***
*..**Дыханье тающей..*.... свечи.....***
*..**И стон прелюдии от счастья –.***
*..**Из вин ли плещущий исток?!.***
...*..**Бутон иллюзии и страсти,.***
.....* **... Любви трепещу –....***
.....* **... щий листок.....***
.....* **...«Магия.....***
.....* **..розы».***
.....* **..А..***
.....* **С***
.....*
.....*
.....*
.....*
.....*
.....*
.....*
.....*
.....*
.....*
.....*
.....*
.....*

Динамика квадрата

МИР ТОП ДУХ ВОР
ИЩИ ОНО УШУ ОКО
РИМ ПОТ ХУД РОВ
КУМ ТАМ КОТ ДАР
УМУ АДА ООО АСА
МУК МАТ ТОК РАД
ЛУГ ЛЕС ТИХ ДОМ
УГУ ЕЛЕ ИЛИ ОГО
ГУЛ СЕЛ ХИТ МОД

Воздушный город-башня

Идея светящейся башни «Воздушный город» сопряжена с вопросами современной архитектуры и перекликается с идеями Татлина.

Идея и тема моя, но башню мы строили вместе с Инессой Портяной. Строительным материалом послужили соединённые между собой в разной последовательности бумажные двухтрубные кораблики.

С этой башней я выступала на 23-й Международной научной конференции в Пущино. Фото нашей башни сделано на выставке «Воздушные замки в небе и на земле», которая проходила в «Галерее XXI века» 11 августа – 11 сентября 2016 г. В этом проекте участвовал Вилли Мельников со своим лингвогобеленом. Это была его последняя выставка, на которой он присутствовал.

ОБРАТНАЯ БИОНИКА

23-я Международная конференция МКО (Математика Компьютер Образование) 2016, г. Пущино. «...плоды рук человека подсознательно отображают в своём устройстве гармонию осмоса», – писал Умберто Эко в «Маятнике Фуко». Таким образом, используемой моделью или модулем для творчества может являться любой объект живой и неживой природы, в систему которых входит и сам автор.

БИОНИКА В АРХИТЕКТУРЕ

Во все времена существовала преемственность природных форм в архитектуре, созданной человеком. Но, в отличие от формалистского подхода прошлых лет, когда архитектор просто копировал природные формы, современная бионика опирается на функциональные и принципиальные особенности живых организмов – способность к саморегуляции, фотосинтез, принцип гармоничного сосуществования и т. д. Поскольку живые организмы являются совершенной работающей системой, то современные учёные продолжают открывать всё новые и новые механизмы формообразования архитектурных сооружений в живой природе. На проекте представлен экспериментальный макет архитектурного фасада, являющегося саморегулирующей системой. Ни одна из плоскостей такого покрытия никогда не будет нагреваться или охлаждаться слишком сильно. В то же время здесь есть место для установки солнечных батарей и сбора воды от естественного конденсата. Светящиеся гибкие трубки иллюстрируют, как в будущем могут выглядеть источники света. Сегодня учёными ведутся попытки иммобилизовать культуры светящихся микроводорослей и микроорганизмов. То есть учёными предпринимаются попытки фиксировать микроводоросли на определённом носителе внутри светопроницающих трубок с поддержанием полного жизнедеятельного цикла. Данный макет сконструирован из бумажных корабликов, знакомых всем нам с детства. По естественным законам обратной бионики простой бумажный кораблик является биомом, что позволяет сконструировать любые пластические формы, вторящие законам природных систем саморегуляции.

Башню построили Лада Аникина и Инесса Портяная.

Вилли Мельников на фоне своих лингвогобеленов.
Фото Елены Кацубы.

УНОИЗИС

ЛИСТОК

НИСПРОВЕРЖЕНИЕ СТАРОГО МИРА ИСКУССТВ ДА БУДЕТ ВЫЧЕРЧЕНО НА ВАШИХ ЛАДОНЯХ

НОСИТЕ ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ КАК ЗНАК МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
ЧЕРТИТЕ В ВАШИХ МАСТЕРСКИХ КРАСНЫЙ КВАДРАТ КАК ЗНАК
МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ ИСКУССТВ.

В ИТЕБСКОГО
Творчества №1.

ОЧИЩАЙТЕ ПЛОЩАДИ МИРОВОГО ПРОСТРАНСТВА ОТ ВСЕХ ЧЕРНЫХ В НЕЙ КАРТИНКАХ.

20 ноября 1920г.

Евгений Степанов

кандидат филологических наук
друг ДООСа

Черный треугольник, или Памяти Казимира

1.
бросить черный квадрат с парохода современности

да здравствует черный треугольник
черный треугольник страсти любви нежности
жизни
нового

смысл и логика в искусстве отвратительны как
власть

черный треугольник это счастье
это геометрия продления рода
бессознательного хочу
честного чувства
чуда
нестройного лепета
трепета
бормотания
обладания
созревания
мироздания

черный треугольник на самом деле не только
черный
он в частности алый
волшебный
волшебный

2.
квадрат квадратович напасти
истощный похоронный вой

а черный треугольник страсти
и сладострастный и живой

здесь геометрия нетленки
здесь жизнь которой краше нет

волшебно-алые оттенки
имеет этот черный цвет

Татьяна Теребинова

Отрадный

Казимир Малевич. Чёрный квадрат.

Поле, лесом – священнодействует дорога,
идущая навстречу.

Храм – молится тебе – сошедшими с икон –
снопами лучей, воркованьем крови огня,
золотой забвенья, расколом колоколов надежд,
ураганом камня, ручьем зерна,

голубками дыханья.

Здесь – тебе уступили – Распятые: и –

Ты взошёл на Чёрный Квадрат –

Нарождающейся Вселенной.

В клюве смерти – дышит времени колосок.

Для тайного – Явь полыни.

Для яви – полынья Тайны.

Размыкая Пространство-Время, – порхают
в васильковой пыльце – Бабочки Мироздания!

Валерия Нарбикова

ДООС

Привет!

Ну если уж так, то есть чувственная и бесчувст-
венная живопись. Самая чувственная – это
Климт (золотая какая-то) и «Крик» Мунка. А
Малевич, он ведь совсем бесчувственный. И ко-
гда он сказал, что за этим квадратом ничто, он
был не прав. А мне вот как кажется, что за этим
квадратом бездна. Это единственный художник,
который заключил бездну в рамку, и это мало
кому удавалось. И хорошо бы, это никому не
удалось. И хорошо, что это уже сделано, потому
что если какой-нибудь дядя Вася это начнет де-
лать, то это будет так, это будет так, что лучше
этого не надо. И, дорогой Казимир, из следую-
щего столетия благодарю вас на всякий случай.
Привет!

Ольга Ильницкая
ДООС – слоновзавр

Собеседник для Малевича

Миру – миф

– Вот Малевич бежал по Витебску с деревянной кобурой маузером загонял витеблян – рисовать...

Владлен Дозорцев

– Это потому, что у него собеседника хорошего не было. Ольга Ильницкая

Неизлечимо влюбленная в бессонный час предрассветный, она смотрела, как тьма съедает себя. Сжималась в точку, до сухого остатка, превращающегося в тугую резиновую шайбу. Тогда она брала эту шайбу и утверждала на углу черной крышки пианино. – Черное на черном, – говорила вслух. – Малевич отдыхает!

Приходил в шестом часу Малевич, ворчал на бессонницу, гонял чай, отдыхал и раздражал необязательными разговорами об искусстве живописи. Или искусстве рисунка. Или искусстве абстрактном – так, вообще, сам на сам, говорил помаленечку Малевич, поглаживая маузер.

Она сердилась и однажды пригласила собеседника для Малевича.

Собеседник гонял с Малевичем чай и говорил об искусстве политики так, как будто искусство живописи, а тем более рисунка, не существовало в принципе.

Билковский, – представлялся регулярно и чопорно Билковский и толстым молодым плечом разворачивался к Малевичу – руку протягивая.

Малевич удивлялся, что внутри беседы начиналось представление, но стеснялся не принять руку Билковского. В момент рукопожатия начинался полдень.

И солнце сжигало тени. Билковский удивленно следил за растворяющимся рукопожатием. Растерянно стоял с протянутой рукой...

Она говорила Билковскому – я вас ценю. Вы мальчик-подмастерье, а не политик. Вы не подходите Малевичу как собеседник. Что вы можете предъявить мастеру, кроме рукопожатия?

Билковский падал на колени, протягивал перстень... Я не первая, говорила она в ответ, ваше кольцо уже отвергали. Угасните. И Билковский угасал на задворках дня, где уже вереница похудевших билковских гуськом тянулась в сумерки, чтобы наступила ночь непроглядная.

Дурная бесконечность верениц, образующихся из зависающих рукопожатий, – и есть соль политики, говорила она мрачно. И пересаливала винегрет к ужину. По вечерам она всегда ела винегрет, слушала новости и, дослушав, сразу засыпала. Чтобы влюбленно встретить бессонницу предрассветного часа. Увидеть Малевича, гонящего чай с Билковским и услышать долгожданное. Сегодня это случится, думала она. Не может не произойти.

В этот момент Малевич и произнес: «Уберите, уберите этого человека!»

Рука Билковского застыла протянутой, но не растворилась, как обычно. И полдень завис.

Пришлось заменить собеседника.

Теперь разговоры велись исключительно об искусстве. Чистом. Одно напрягало, что кроме искусства рисунка, кроме искусства живописи появилось искусство слова, и новый собеседник, хоть руку Малевичу и не протягивал, а, подымая ее, бил себя в грудь, приговаривая: «На мне закончился век двадцатый. Я последний постмодернист»... выглядел при этом как последний постмодернист, Пилевин.

Малевич так ему и говорил: «Ты последний фраер, как и последний постмодернист. Пилевин, ты – последний».

Она думала, глядя на сцену грустную, как бы подернутую серебристой пленкой бессонницы, как бы присыпанную рыхлым пеплом сгоревшего в рассветных лучах века двадцатого... Она думала, при чем здесь постмодерн? Этот собеседник вовсе не пытается изменить реальность. Он просто называет ее. Как ребенок. Вопрос, соответствует ли суть названия определению сути?

Малевич фырчал чаем, сюрпал супом и сообщал сварливо – определения тем и хороши, что претендуют на постоянство. То есть неизменность сути. Что суть и передает определение. Собственно, передается определением. Собственно, определение и есть формула сути, что песочные часы, как ни переворачивай, если в них на три минуты песка, только три минуты и отсчитывают, что вот взять его «Черный квадрат», к примеру, но тут Пилевин говорил – кой черт квадрат трогать, кой черт вообще что-то брать... делать...

И тогда она говорила, что какой же здесь постмодернист за чаем сидит, если брать ничего не надо. Здесь чистый модернист. А Пилевин – не чистый модернист, а чистый и явный постмодерн, так в литературной энциклопедии написано, значит, собеседник не тот, за кого мы его имеем?

И тогда Малевич, чтобы вывести на чистую воду Пилевина, протягивал ему руку, произнося пронзительно: «Малевич». Но рукопожатия не происходило, потому что в ответ собеседник Малевича протягивал четкую фигу. И не называл имени своего.

Так наступал очередной полдень, и она раздраженно думала, что пора прекратить эти чаепития, не греющие сердце. Или искать нового подходящего собеседника для Малевича.

И наступал неизменно очередной час предрассветный, когда она смотрела, как тьма съедает себя, сжимается в точку до сухого остатка. Тогда она влюбленно брала эту тугую черную битую и снова утверждала ее на черной крышке пианино.

И неизменно приходил Малевич. Тут же. Со своим пистолетом. Со своими чаями, разговорами об искусстве рисунка и искусстве живописи.

Она не спала, думала о вечной проблеме собеседника.

А потом пришли однажды Политик (не Билковский) и Писатель (не Пилевин) — и вынесли нафиг пианино из квартиры. В полдень обнаружилось, что куда положить тугую черную шайбу. И она выбросила битую через форточку. В этот день сумерки не ступились, ночь не наступила, бессонный час предрассветный тоже. Началась новая неизвестная жизнь. И это было хорошо, потому что было светло. Философия пустоты оказалась замкнутой черным квадратом. И, кроме того, Малевич не пришел больше. Со своим маузером. Малевич – отдыхал.

Галина Мальцева

ДООС –
стреказелла

БАШНЯ НЕДОТРОГА

и ко мне
будет глумиться
будет
ломиться
100%
никто
а я
закрою
двери
уничтожу
окна
превратив
их в склепы
все и ты
и ты
не придешь
но я
разрушу
лестницы
на мою
башню
не подняться
и ящерице
но я
встану
у пропасти
и когда ты
и все
никто
не подойдете
ближе метра
рухну
в пропасть
чтобы
не вошел
в меня
кто не очень
хочет
и не мечтает
сделать
это

Галина Мальцева «Две башни» (компьютерная графика),
2018 г..Специально для ПО.

ДВЕ БАШНИ

у меня
свой уровень
и с твоим
уровнем
мой
уровень
не сравнить
даже
не стоит
пытаться
тоже
как плакать
песчаными
слезами
и смеяться
при этом

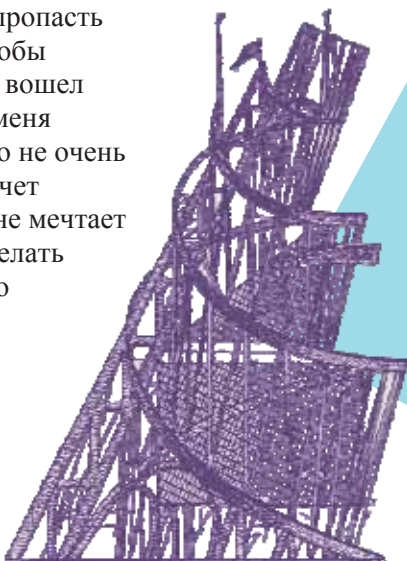
но ты
не исправим
смеешься
и плачешь
и говоришь
что не больно
и это
всего лишь
две старые
башни
две башни
что стоят
у дороги

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

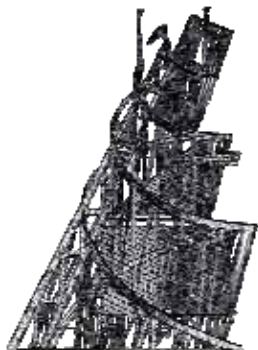
* * *

Живу в башне из слоновой кости.
Раз в неделю спускаюсь в магазин за хлебом.
За прилавком встречаюсь взглядом
с постаревшей Лаурой из времен Петрарки...
Она даже не догадывается, что
я успешно решаю главную конституционную заповедь –
хлеба и зрелищ!

Дарьяна Лемтюжникова
кандидат физико-математических наук

Красота Геометрической Башни

Башня Татлина – замечательный геометрический объект высотой в 400 метров. Она состоит из двух наклонных *винтовых линий*, которые по ошибке часто называют *спиралями*. Спирали плоские и существуют исключительно на плоскости, в более многомерные миры им вход по определению заказан. Зато если сплющить невидимой рукой любую из татлинских винтовых линий, мы получим спираль Архимеда. На рисунке 1 она раскручивается против часовой стрелки. Замечу, что плоскость необходимо по направлению наклона башни, а не перпендикулярно земной поверхности.

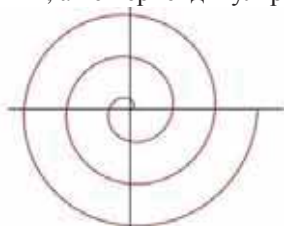

Рис. 1: Спираль Архимеда

Представим горизонт, отметим на нём точку и зафиксируем на ней острие циркуля (рис. 2). Теперь отмерим от точки небольшой отрезок и поставим карандаш. Покрутим циркуль так, чтобы карандаш описывал дуги относительно зафиксированной иглки.

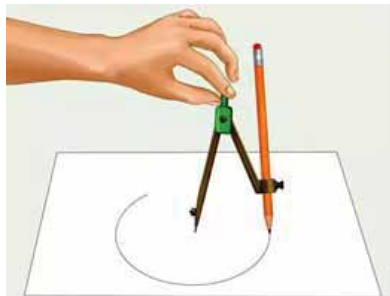

Рис. 2: Циркуль с карандашом

Таким нехитрым способом мы инициировали построение *полярной системы координат* (рис. 3). Горизонт – *полярная ось*, игла – начало отсчёта или *полюс*, длина между иглой и карандашом – *расстояние* ρ , а отклонение карандаша относительно линии горизонта – *угол поворота* θ . То есть, точка A будет иметь две координаты. Длина отрезка от полюса до искомой точки, который выделен красным на рисунке, и угол между осью и этим отрезком.

Рис. 3: Полярная система координат

Итак, **уравнение спирали в полярных координатах** выглядит следующим образом:

$$\rho = \frac{a}{2\pi} \cdot \theta$$

Здесь показано, что расстояние ρ прямо пропорционально зависит от угла поворота θ , то есть с увеличением длины отрезка увеличивается и угол поворота. Но погодите, что значит страшная неведомая конструкция $\frac{a}{2\pi}$ перед углом? Иррациональное число $\pi \sim 3,14$ наверняка вам знакомо, а под величиной a имеется ввиду *шаг спирали* – расстояние между витками. Отношение компонент a и 2π определяет, во сколько раз расстояние ρ больше или меньше угла θ .

Уберём циркуль и вернёмся к нашим винтовым линиям. Сейчас наступает волнительный момент в тексте, во время которого читатель должен испытать смесь суеверного трепета и божественного восхищения. Мы поговорим о том, какими формулами описываются винтовые линии башни Татлина. Они наклонены к плоскости земли под углом 23,5 градусов, что является своеобразным вызовом знаменитой Пизанской башне, угол наклона которой составляет всего около 4-х градусов. Если бы винтовые линии накручивались на цилиндр (рис.4), то их параметрические уравнения выглядели бы так:

$$\begin{cases} x(t) = a \cdot t \cdot \cos t \\ y(t) = a \cdot t \cdot \sin t \\ z(t) = b \cdot t \end{cases}$$

Здесь величина a – *радиус цилиндра*, b определяет *шаг винтовой линии*, т.е. как много витков можно наматывать на тело. Параметр (от *parametron* (греч.) – отмеривающий) t пробегает отрезок от 0 до бесконечности, а значение функций $x(t)$, $y(t)$ и $z(t)$ определяет положение точки на линии.

Рис. 4: Винтовая линия на цилиндре

Но в данном случае каждая из линий состоит из четырёх витков, охватываемый объём которых становится меньше. Поскольку объём целенаправленно уменьшается, мы можем легко представить внутри линии конус. Впрочем, мы могли бы представить его даже в том случае, если бы объём целенаправленно увеличивался. Но тогда нам пришлось бы подвесить воображаемый конус вверх тормашками, что сделало бы башню менее устойчивой. На рисунке 5 мы можем увидеть, как винтовая линия обвивает голубой конус. Чтобы не забыть о её изменяемом объёме, такую линию называют конической.

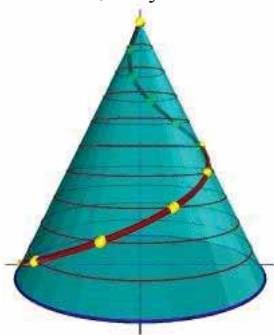

Рис. 5: Винтовая линия на конусе

Для построения конической винтовой линии необходимо знать:

- радиус основания и высоту конуса;
- ход винтовой линии;
- направление (правое или левое);
- начало винтовой линии.

Обе татлинские винтовые линии намотаны на *усечённый конус*, то есть конус с обрезанным острием. Каждая из них определяется параметрическими уравнениями вида:

$$\begin{cases} x(t) = a \cdot e^{mt} \cdot t \cdot \cos t \\ y(t) = a \cdot e^{mt} \cdot t \cdot \sin t \\ z(t) = a(1 - e^{mt}) \cdot \operatorname{ctg} \alpha \end{cases} \quad (1)$$

Смотрим, что меняется по сравнению с линиями, намотанными на цилиндр. Добавляется компонента e^{mt} , поскольку радиус витка перестаёт быть постоянным, его необходимо пересчитывать на каждом шаге. Здесь $e \sim 2,72\dots$ – *постоянная Эйлера*, в математике используется почти так же часто, как и величина π . Вспомним определение *факториала* числа:

$$n! = 1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot \dots \cdot n$$

Если $n = 5$, то значение факториала будет таким:
 $5! = 1 \cdot 2 \cdot 3 \cdot 4 \cdot 5 = 120$.

Представим иррациональное число e в следующем виде:

$$e = 1 + \frac{1}{1!} + \frac{1}{2!} + \frac{1}{3!} + \frac{1}{4!} + \frac{1}{5!} + \dots$$

Есть знаменитая математическая шутка про такие последовательности. Закончились занятия по аналитической геометрии, и студенты подтягиваются в бар. Первый просит кружку пива, второй половину, третий четверть и так далее. Бармен смотрит на список заказов и выставляет на стойку две доверху наполненные кружки. Соль шутки заключается в том, что последовательность содержит неограниченное

число членов, но при этом её сумма имеет вычислимое ограничение сверху. В данном случае, сколько бы студентов ни зашло в бар после занятий, согласно заданному принципу выпить больше двух кружек пива им никак не удастся.

Хорошо, с числом Эйлера разобрались, вернёмся к формуле. t по-прежнему параметр системы, а что такое m и a из третьего уравнения системы $z(t) = a(1 - e^{mt}) \cdot \operatorname{ctg} \alpha$, которое так неузнаваемо изменилось? Угол α – угол между осью конуса и его *образующей*. Образующая – это любая линия на поверхности конуса от вершины до основания. Если конус – это сложенный зонтик, то спицы зонтика будут его образующими. То есть, если мы вспомним про циркуль и нарисуем окружность, то окружность будет основанием конуса, ножка с иглой – *осью* конуса, ножка с карандашом – его *образующей*, а угол между ножками и будем искомым углом α .

Перейдём к величине m , она определяется через два угла: угол α и угол ϕ – угол между образующей конуса и *касательной* к винтовой линии. Касательная – это такая прямая, которая имеет одну лишь точку пересечения с заданной линией (рис. 6). Эта точка так и называется – *точка касания*. Величина m определяется как отношение синуса одного угла к котангенсу другого, т.е.

$$m = \frac{\sin \alpha}{\operatorname{tg} \phi}$$

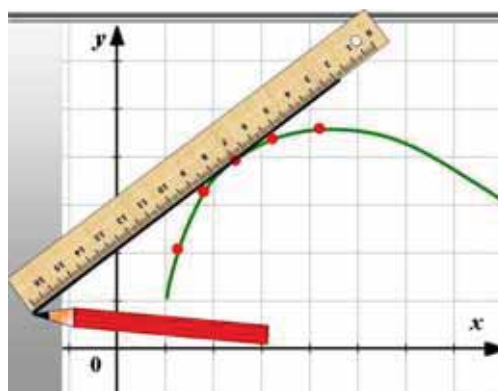

Рис. 6: Линейка как касательная к кривой

Таким образом, винтовые линии башни Татлина определяются наводящей панику системой уравнений (1). Теперь можно немного отдохнуть от эмоциональных потрясений, поскольку мы переходим к более простым и привычным формам. Внутри винтовых линий располагаются куб, пирамида, цилиндр и полусфера – здания, которые вращаются вокруг своей оси. Причём они располагаются в специальном порядке друг относительно друга.

Внизу находится **куб** – самая крупная форма из всех, которая предназначена для конференций и съездов. Куб вращается со скоростью один оборот в год, то есть он поворачивается вокруг своей оси синхронно с планетой, которая поворачивается вокруг солнца. Чтобы создать куб достаточно знать длину его стороны d , потому что все его стороны равны, а грани располагаются под углом 90 градусов. Объём куба получается простым тройкратным умножением стороны саму на себя: $d \cdot d \cdot d$. Проще говоря, объём куба – это его сторона в третьей степени или в кубе, как часто называют третью степень. То есть формула имеет вид: $V = d^3$.

Над кубом вращается **пирамида**, размер которой значительно меньше. В этом здании по задумке архитектора должна трудиться исполнительная власть. Пирамида вращается со скоростью один оборот в месяц, что в 12 раз быстрее скорости куба. В общем случае пирамида состоит из многогранника, лежащего в основании, и треугольников с общей вершиной. Чтобы создать пирамиду, нужно знать стороны основания и длину боковых ребер. Объем вычисляется как треть произведения площади основания и высоты:

$$V = \frac{1}{3} \cdot S \cdot h.$$

Ещё выше находится меньший по размеру **цилиндр**, в котором должны функционировать все возможные формы СМИ. Здание вращается примерно в 30 раз быстрее пирамиды, то есть выполняет один оборот в день. В цилиндре достаточно знать высоту и радиус-радиус основания, чтобы создать его. Объем цилиндра можно вычислить как произведение площади основания на высоту:

$$V = S \cdot h.$$

И наконец самая маленькая фигура, **полусфера**, предназначена хранить людей искусства. Для её создания достаточно знать радиус R . Объем полусферы:

$$V = \frac{\pi \cdot R^3}{6}.$$

Посмотрим на рисунок 7, чтобы понять, как именно располагаются фигуры внутри винтовых линий.

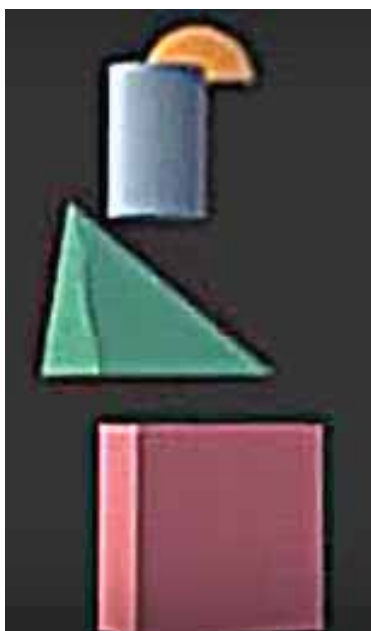

Рис. 7: Геометрические формы башни Татлина

Вращающиеся с разной скоростью геометрические формы из стекла и стали вот уже сто лет вдохновляют художников всего мира на новые решения. Оголённый конструктивизм этой истории навсегда останется символом объединения самых разных людей под знаменем искусства и математики.

Сентябрь, 2018.

Наталья Никулина

Обнинск

НЕБОЛЬШИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К ПОСТРОЕНИЮ БАШНИ ТАТЛИНА НА ЗЕМЛЕ

символ авангардизма
с плоской Земли не разглядеть.
авангардисты всех стран –
объединяйтесь в пятом измерении!
авангардисты пятого измерения
спасайте Башню Татлина!

переходите в шестое
стройте башню там
перемещайте в мир идей...
и как только ваша Башня
станет рядом с такой же Там
навстречу вам выйдет
сторож Башни –
сам Владимир Евграфович.
а как только он выйдет из неё
две башни объединятся
и на Земле мгновенно
появится настоящая Башня Татлина.

правда в конструкцию
придётся добавить
недостающие элементы.
Земной Шар например
где сидит его Председатель
Велимир Хлебников
достроить мостики
между прошлым и будущим
из палиндромов Елены Кацубы
и оградить по периметру
от слишком впечатлительных
метаметафорой Кедрова
из всеобъемлющего Слова
включающего в себя
самые важные слова на свете...

но помните
проходя сквозь спирали
познания времени
постарайтесь не задеть снежинки –
этот вечный код жизни и смерти
на Земле.

**Книжная башня
Издательства ДООС
2014-2018**

**Журнал Поэтов ДООС
№.№ 4-5 (79) 2018 «Башни»**

**Учредитель и издатель
ООО ДООС
Гендиректор Маргарита Аль**

Главный редактор –
доктор философских наук Константин Кедров
Зам. гл. редактора – Маргарита Аль
(+7(926)524-56-62)

Редакционный совет:

Е.Кацюба – ответ. секретарь, арт-директор;
С.Бирюков, доктор культурологии (Германия), поэт;
А.Бубнов, доктор филологических наук (Курск), поэт;
В.Вестстейн, профессор (Нидерланды);
А.Городницкий, доктор геолого-минералогических наук, поэт, бард (Москва);
Э.Гусейнов, кандидат исторических наук (Москва);
А.Кудрявицкий, кандидат медицинских наук, поэт, прозаик, переводчик (Ирландия);
В. Нарбикова, прозаик (Москва);
А.Такеда, профессор (Япония), поэт.

Идея журнала и творческая концепция – группа ДООС (Добровольное общество охраны стрекоз) при участии Русского Пен-клуба, при поддержке Региональной общественной организации «Центр современного искусства».

Логотип – Андрей Врадий
Макет – Елена Кацюба.
Верстка – Николай Лазарев.
На обложке композиция Виктора Гоппе.

Издание зарегистрировано
в Роскомнадзоре РФ
Регистрационное свидетельство
ПИ № ФС77-63353

Номер подписан в печать 17.10. 2018 г.
Тираж 500 экз.

Адрес в интернете:
<http://litlife.club/UserBooks/?UserId=191742>

E-mail: jurnalpoet@mail.ru

© издательство ДООС
© редакция Журнала Поэтов ДООС

ISSN 2414-2425

Тюмень

Баку

2019

IV Евразийский Литературный Фестиваль Фестивалей ЛиФФТ
IV Всероссийский Литературный Фестиваль Фестивалей ЛиФФТ

Сайт liff.ru
E-mail info@liff.ru

9 772414 242512

TEC-IT.COM

Константин Кедров «Нео-Вавилонская башня».